

Любовь Щербинина

ЖИЗНЬ ПРОЖИТЬ

**«Вест-Консалтинг»
Москва
2010**

УДК 882
ББК 84 (2Рос-Рус) 6
Щ60

Щ60 **Щербинина Л.**
Жизнь прожить. — М.: «Вест-Консалтинг»,
2010. — 238 с.

Любовь Щербинина, фольклорист, знакома читателям как автор оригинальных сибирских сказок и быличек. Ее новая книга, сборник рассказов и коротких повестей — по сути небольшая коллекция житейских зарисовок, в реальность которых порой трудно поверить, но душевная теплота и искренность повествования убеждают: так и было на самом деле...

ISBN 978-5-91865-023-3

© Щербинина Л., 2010.

© Горскина А., дизайн обложки, 2010.

ЖИЗНЬ ПРОЖИТЬ — НЕ ПОЛЕ ПЕРЕЙТИ...

Как только в нашем доме все утихает и погружается в глубокий сон, я вместо того, чтобы тоже спать, как мой старый муж и непутевый сын, чей храп доносится из соседней комнаты, предаюсь воспоминаниям о моей жизни, движущейся к закату... В последнее время я, как малый ребенок, путаю день с ночью, днем сплю под бубнеж телевизора, а ночью слоняюсь, как и сейчас, по дорогам памяти, а память-то у меня крепкая, всем на удивление... То о чем-то сожалею, то чему-то радуюсь. Я не боюсь смерти, даже призываю ее в минуты особенно острой боли, но пока она не спешит ко мне...

Однажды, лет пятнадцать назад, я уже побывала на пороге вечности, но щелкнули неведомые счеты, я услышала словно произнесенные откуда-то слова: «Еще не вре-

мя!» — и полетела кувырком назад, в огромном темном лабиринте...

Я не боюсь смерти, потому что верю, что за последней чертой встречу со своими близкими людьми, ушедшими раньше меня. Смерть не обойти, не избежать, так зачем ее бояться? Смерть может стать началом новой жизни, как утверждает мой внук Саша...

Помню, много лет тому назад, я как-то пришла на кладбище и склонилась над могилой матери, у ее портрета... И вдруг меня ударил и отбросил в сторону мощный поток энергии, идущий из-под земли... В последующие посещения могилы я устраивалась в ногах покойной, пересказывала свои новости, плакала и горевала... Всю жизнь я уверена, что причиной моей горемычной жизни является то, что я рано лишилась матери. В народе давно приметили, что если судьба матери несчастливая, то судьба дочери тоже вряд ли сложится удачно... Если бы кто-то в сиротские годы сказал мне, что мать ждет меня где-то, даже на краю света, я, не раздумывая, пошла бы к ней... «Жизнь прожить — не поле перейти!» — говаривала часто мама, и это истинная правда.

Моя мама, Прасковья Моисеевна, роди-

лась в семье богатого колыванского купца — Андреева Моисея, имевшего собственное дело, торговую лавку и большой кирпичный дом о двух подъездах: один для хозяев, а другой — для прислуги. В старые добрые времена он возил по Московскому тракту в столицу кожу, сало, свечи и поделки сибирских мастеров...

Дед Моисея прибыл в эти места с Урала. В прошлом он был старателем. В начале 19 века по Сенатскому Указу деловым людям на Урале было разрешено искать и разрабатывать золотые и серебряные руды с непременными платежами подати в казну. В окрестностях Невьянского завода золото находили повсюду... Старатели, наехавшие сюда из разных мест, хозяину прииска сдавали только часть добытого золота, а кое-что продавали скупщику, потому что знали, что хозяин им много не доплачивает... Кто-то из старателей вырученные деньги тратил на пропой, а дед Моисея был человеком основательным, бережливым, он на дух не переносил запах табака и спиртного. Все купленные вещи он хранил в обитых жестью сундуках. Семью имел большую, двенадцать душ детей, и когда решил уехать из поселка ста-

рателей, никому из товарищей не сказал об этом... Нажитое добро погрузил на три подводы, детей одел «в ремки», куда зашил золото... Дети выглядели так жалко, что никто не стал досматривать их на заставе, переворачивали только вещи. Таким образом дед Моисей заимел свой первый капитал, который по прибытии в сибирский город пустил в дело. Дети приумножили его богатства...

Моисей для воспитания детей средств не жалел, нанял гувернантку из столицы... И Прасковья знала письмо и счет, свободно читала Библию на латыни, была кроткой и богобоязненной. Как сравнялось дочери восемнадцать лет, отец выдал ее замуж за вдового купца, своего товарища, у которого было две дочери, ровесницы молодой жены... Натерпелась от них Прасковья горького до слез и с тех пор всегда говорила, что лучше положить посреди комнаты большой камень и наткаться на него, чем иметь в доме лишних людей...

С мужем Прасковья нажила двоих детей — Нюру и Михаила... Но тут наступили большие перемены, в их дом пришла беда. Их семью разорили борцы с частной собственностью... До этого горестного события в

воздухе уже витала и ощущалась явственно угроза...

К началу 1918 года в Сибири повсеместно установилась Советская власть, а к 1920-му бои Красной Армии с остатками Сибирских казачьих полков полностью прекратились, но новая власть как будто вошла во вкус борьбы, повсеместно насаждалась военная пропаганда, поиски врагов Советской власти. Класс собственников стал чужд и враждебен новой власти. Возникли гонения и на свободную торговлю...

Отец Прасковьи умер от сердечного удара, его имущество полностью конфисковали, а мужа ее объявили пособником Колчака и расстреляли на главной городской площади...

В городе и области тогда действовали красные отряды — по сути, банды, провозглашавшие революционную справедливость, а на деле — грабили и расстреливали зажиточных людей... Иногда командиров таких отрядов новая власть привлекала к ответу, но они зачастую уходили от возмездия благодаря помощи сочувствующих из партийного аппарата... В Сибири было развернуто широкомасштабное наступление

на кулака. Людей выбрасывали из домов на улицу буквально в чем мать родила... Священники под угрозой расправы призывали верующих в храм к коллективизации... Царило беззаконие и страх. Советская власть разделялась с классовым врагом, ссылала его в Нарым, страшное место в Сибири, которого все боялись как огня. Туда отправляли многих без возврата...

Накануне страшных событий Прасковья, чуя беду, сделала две закладки позади усадьбы... В первую она сложила теплые вещи, белье, посуду, иконы и кой-какие книги, а в другую — особо ценные вещи и деньги. Вторая оказалась разрытой, когда Прасковья к ней спустя некоторое время вернулась. Видно, какая-то черная душа за ней тогда проследила...

Когда грянула беда, Прасковья не осталась с другими родственниками жить в бане, по поводу чего их обидчики немало потешались, а решила скрыться. Кто-то из бывшей челяди шепнул доброй и щедрой в прошлом хозяйке о скорой перспективе ее высылки в Нарым, а детей ее планировали отправить в детский дом. Их тогда по-стране много расплодилось... В разграбленном

доме Прасковьи разместились какая-то советская контора.

Прасковья не стала ждать ареста. Собрав детей и кой-какую одежку, она бежала в близлежащий город в надежде затеряться там. Она шла ночами, как преступница, а днем пряталась в лесу, опасаясь преследования. Добравшись до города, Прасковья поселилась с детьми до времени на квартире подруги детства и, чтобы как-то прокормиться, устроилась работать на фабрику кукол. Она трудилась не покладая рук, но постоянно жила в страхе, что ее найдут, осудят, сошлют неведомо куда, а детей отнимут. От этих страхов, видимо, сердце ее начало сдавать...

Прасковья, несмотря на жестокие испытания, выглядела очень привлекательно. Ее нельзя было назвать неотразимой, но все в ее облике говорило о том, что она добра, покладиста и милосердна. С ее портрета смотрят на меня васильковые глаза, подбадривающие и мудрые, и в то же время щемящие и грустные...

Мать не рассказывала мне подробности ее встречи с Семеном, моим отцом, но от родни я узнала, что был он военным, в звании майора... Он был высоким, красивым,

колоритным человеком, немного шумным, но добрым и простым...

Первый брак моей матери был церковным, второй — зарегистрировали по новой форме, но мама сохранила свою девичью фамилию — Русскина, а отец мой был Артемьев. Он участвовал в неудачной финской компании, был тяжело ранен. Умер, когда мне было всего два года...

Какое-то время мама жила одна, ей было крайне трудно содержать и воспитывать детей. Она все так же снимала углы и кое-как сводила концы с концами. Нюра рано вышла замуж и жила уже отдельно. Нас с Михаилом часто люди просили у мамы «в дети»: мы оба были красивые, кудрявые, но мама всем отказывала, несмотря на то что время было голодное и злое... Она страдала оттого, что мы обижены судьбой и не имеем надежной крыши над головой...

Бывало, как уйдет мать на работу, так нас с братом хозяева тут же выгонят на улицу и не пускают в дом до вечера, пока она к нам не вернется... Мне было тогда четыре года, а брат на шесть лет старше. Мама оставляла нам кое-что поесть, но часто сами мы ничего в доме не находили, и нам приходилось

побираться, чтобы продержаться до вечера... Вдвоем с братом ходили в хлебный магазин поблизости и просили милостыню, Христа ради. Продавцы нам давали хлеб, а иногда прохожие... Я, как на грех, заболела тифом и болела так долго, что мама потеряла надежду на мое выздоровление и подписала в больнице документ, согласно которому не имела бы к врачам претензий, если я умру. Я выжила, только от болезни мои кудрявые волосы вылезли и в дальнейшем росли только прямые...

Мама время от времени возвращалась к своей закладке и меняла привезенные вещи на хлеб. Три года мы прожили на съемной квартире, одно время жили и в цеху, где мама работала, но там было неудобно, сыро и холодно... Маме пришлось выйти замуж за мужчину с квартирой, но и тут нам не повезло: у отчима было две дочери от первого брака, мы с ними всегда дрались и друг друга ненавидели... Отчим не любил нас с братом и, когда напивался, выгонял из дому, несмотря на погоду...

Брат мой рано ушел в самостоятельную жизнь, а я осталась с мамой. Помню, однажды зимой, пьяный отчим вытолкнул меня, бо-

сую и раздетую, из квартиры в холодный коридор... Я убежала, забилась в темный угол на лестничной площадке и сильно плакала от обиды и боли в плече, но больше всего беспокоилась о маме... Отчим часто срывал на ней зло. Каким-то образом он вызнал, каких она кровей и пользовался ее страхом и беспомощностью...

В коридоре бетонные стены окружали меня с двух сторон, под ногами холодный каменный пол, а на улице сорок градусов мороза... Я приготовилась умереть, но тут как будто чьи-то горячие руки стали поглаживать меня, все тело охватило приятным теплом... Спустя довольно продолжительное время вырвавшаяся из рук отчима мать нашла меня в углу и увела в квартиру. Она все сетовала на судьбу и опасалась, что я заболела, но я даже не простудилась! Мама говорила потом, что это меня «хозяин дома» спас, он жалел меня и берег. Когда я утром просыпалась, то мои волосы бывали часто заплетенными в три, пять косичек...

Вскорости началась война, отчима призвали на фронт, и спустя некоторое время мы получили на него похоронку...

А его дочери нас с мамой обокрали, по-

догнали машину, когда нас не было дома, и вывезли все: и свое, и наше... Мама сказала, что это не пойдет им в прок. Так оно и получилось... Спустя полгода они вернулись к нам просить прощения, все промотали... Мать их простила, приняла обратно, но они нас снова обворовали и нам пришлось переехать из города в пригородную деревню. Мама влезла в долги, но приобрела маленький домик с большим участком земли. Жили мы очень бедно. У мамы уже тогда сильно болело сердце... Пришлось мне в одиннадцать лет пойти работать в колхоз, а мама управлялась по хозяйству. Она копалась в огороде, собирала в лесу сухие сосновые шишки, которыми потом топила печь в долгую, суровую сибирскую зиму...

Я в колхозе пахала, и сеяла, и жала... Нас — подростков неделями не отпускали домой к родителям. Мы спали в овине, где придется, благо лето в Сибири теплое, каждый кустик ночевать пустит... Наш хромой бригадир лютовал: утром поднимал нас на работу вожжами. Как, бывало, оттянет вдоль хребта — так соскочишь и не знаешь спросонья, на каком ты свете! С тринадцати лет я пошла в доярки. За мной было пятнадцать коров, и

доила я их вручную... Летом приходилось доить три раза в день! Часто я от усталости плакала...

Страшные были годы, поесть досыта было большой радостью. Мы ели «драники» из гнилой мороженной картошки, летом подъедались тем, что давала мать-природа. Деревенские мужики ушли на фронт, остались только старики, женщины и дети... Несколько раз меня премировали за доблестный труд, вручали похвальные грамоты, я ездила в город на слет молодых рабочих. В город тогда были эвакуированы многие заводы из центральных районов страны, открыты госпитали для поступающих с фронта раненых. Было в городе много военнопленных, работавших на стройках и предприятиях... Городское население кормила все та же деревня...

Летом я возила на лошадиной упряжке молоко на молокозавод, в город. Вставала в четыре часа утра, а в шесть уже выезжала. Моя серая лошадка Мышка была готова тянуть тяжелую поклажу только с песнями, и мне приходилось распевать их всю дорогу... Лошадь меня очень любила, никому не давалась запрягать, если меня не было рядом.

Бывало, выйду я в поле, позову ее... Как заслышит Мышка мой голос, весело бежит мне навстречу. Если же я засыпала в дороге, она будила меня тревожным ржанием...

Однажды Мышка спасла меня от бандитов... Как-то два дюжих мужика остановили на горе мою телегу и попытались меня согнать, а Мышка одного из них так лягнула, что тот упал, а другого сильно укусила — он закричал и отпрянул в сторону, а лошадь стрелой припустила по дороге, только фляги побрякивали... Когда я рассказала эту историю матери, она долго плакала и говорила, что мне надо еще в куклы играть, а я работаю, как взрослая...

Зимой мы возили дрова: сами пилили, сами таскали на сани... Разное бывало... Однажды в зимнюю пору я везла сено на подводе. Нас было четыре ездока, а я — крайняя. На самой горе моя лошадь пала... Все уехали, а я одна осталась в поле на ночь глядя... Что было делать? Пошла пешком пять километров до конторы, доложила дежурному о случившемся... Он меня сильно отругал, как будто я была виновата. А лошадь-то была старая и больная. Но мясо этой лошади не пропало даром — его раздали работникам

колхоза в счет трудодней...

Был случай, ночью, зимой, я встретила нос к носу с волком! Во время войны волки осмелели и запросто заходили в деревню. Я не сразу поняла, чьи желтые глаза светятся передо мной во мраке... Слава богу, волк, видимо, оказался сытым и не напал на меня!

В свободное от работы время я косила сено, чтобы потом продать его и купить себе одежду. Моя мама часто с горечью говорила, что если бы ее семью не разорили, то детям и внукам всего бы хватило на всю их жизнь...

Я работала в колхозе четыре с половиной года и всякий раз, как только могла, бежала домой за семь километров, чтобы провести свою матушку. Она уже очень сильно болела... Она часто плакала, жалела меня, говорила, что мне самой надо есть, а я ей не су... Время от времени в нашем доме появлялся брат-ветрогон, чтобы снова уйти искать неуловимое счастье...

Однажды, дело было летом, шла через нашу деревню вереница цыган и одна цыганка-сербиянка постучалась в наш дом. Мать, боялась всего на свете и крикнула мне с кровати, чтобы я не разговаривала с ней.

Но я открыла цыганке дверь, дала большую кружку подслащенного кваса с горбушкой хлеба и предложила присесть на табуретку...

— Ты, я вижу, хорошая, добрая девочка, — сказала старая цыганка, — хочешь, я научу тебя ворожить на картах?

— Нет, нет, не надо, — подала голос мать из спальни...

Цыганка вышла в сени, сделав мне знак рукой...

— Прибегай попозже ко мне за околицу, — шепнула она и, поправив платок на голове, ушла.

Я посидела еще немного с матерью и поспешила на встречу с цыганкой. Гадалка раскинула передо мной колоду карт, поведала, что означает каждая из них сама по себе и в сочетании с другими... Я цепкой детской памятью все запомнила...

Прошло какое-то время, пришла в наш дом соседка и посетовала, что от мужа с фронта давно нет вестей... Я, ни минуты не раздумывая, предложила:

— Тетка Пелагея, хотите, я вам на картах погадаю?

— А ты можешь? — усомнилась она.

Мать заворчала, что я все же ослушалась

ее и говорила с цыганкой, да дело было уже прошлое...

Я разложила перед соседкой карты и сказала, что через десять дней она получит от мужа весть и вскоре он сам домой вернется живой, но не совсем здоровый... Гадание в точности исполнилось, и пошла по деревне молва о моих талантах: я могла на картах даже цифры отгадывать. В наш дом потянулись бабы, кто в благодарность за гадание мешочек муки с собой принесет, кто яиц лукошко прихватит... Мама просящим составляла разные бумаги, подсказывала, как быть в том или ином случае, так мы с ней и жили, потихонечку...

Я очень любила мать, боялась ее потерять. Знала, что без нее никому не буду нужна. Так и получилось. Когда мама умерла, мне было пятнадцать лет. Брат где-то бродил, свое счастье искал, а я осталась одна-одинешенька ... Я затосковала по матери и часто в слезах ночевала на ее могиле... Придя немного в себя, поехала к сводной сестре Нюре, в соседнюю деревню. У нее было уже трое детей. Я стала их нянчить, но как-то раз, укладываясь спать, ее младшенький сынишка назвал меня обузой...

— Кто тебе это сказал? — замерев, спросила я.

— Мама, — ответил несмышленьшш...

Проплакав всю ночь, я рано утром собрала свои нехитрые пожитки и ушла из дома, ни с кем не попрощавшись...

Пока я ездила к сестре, Агафья, старшая дочь Матвея, первого мужа матери, продала мой домик... Новые хозяева выгнали меня на улицу, как бездомную собаку, не посмотрев на мой еще юный возраст... Что мне было делать, кому жаловаться? Каждый в то страшное время выживал, как мог... Я пошла на квартиру к своей подруге, а там как раз гостила ее бабушка. Она позвала меня к себе жить, сказала, что все, что у меня незаконно отняли, пойдет прахом и Бог сурово накажет того, кто так жестоко обошелся с сиротой... Эта добрая женщина научила меня многому, и впоследствии я приезжала к ней за добрым советом и поддержкой.

Моя обидчица поселилась тут же, в деревне, на соседней улице... Она вышла замуж за состоятельного вдовца, жила в большом доме, на подворье которого было полно скотины, она продавала людям молоко. Я часто ходила мимо ее окон по три дня голодная,

она делала вид, что меня не замечает, и однажды я услышала, как она на вопрос соседа, не являюсь ли я ее родственницей, твердо ответила: «Нет!»

Когда умер ее муж, дети выставили мачеху из дома... Она поехала к своей родной дочери, жившей в городе, но и там случилась трагедия: мужчина, с которым жила дочь, нашел себе другую, и молодая женщина не смогла пережить этого горя, повесилась... Пришлось Агафье ехать к другим родственникам и жить приживалкою долгие годы... Она появилась передо мной буквально на пороге смерти, когда моя жизнь более-менее наладилась. Она просила прощения, но мне было трудно с нею даже разговаривать... Вот как бывает в жизни: не наживайся на чужом несчастье, не рой другому яму, сам можешь угодить в нее!

В те годы я была так беззащитна и придавлена горем, что не помнила зла, и спустя некоторое время поехала снова к сводной сестре Нюре, но недолго я у нее загостилась... Они с мужем по-своему решили подействовать моей судьбе — пристроить меня замуж... Устроив «запой», они спровадили меня жить к взрослому мужику некоему

Смирнову, жившему неподалеку со своей матерью...

О, как горько жилось мне в их доме! Злая свекровь тиранила меня, а «муж», хватив лишнего, любил надо мной покуражиться! Он знал, что за меня никто не вступится... Я сбежала от них в город на попутной машине, беременная...

В городе я устроилась работать на фабрику, на которой когда-то трудилась мама и квартировала у живущей неподалеку одинокой женщины. Та меня жалела... Я обливалась горячими слезами, когда представляла, что ждет меня в скором будущем... Но тут произошла неожиданная перемена в моей горемычной судьбе... Я встретила Ивана...

Фронтвик, молодой, статный, красивый, только что вернулся в Сибирь с Западной Украины... Что он во мне приметил, я не знаю, но с трамвайной остановки, на которой мы познакомились, он пошел меня провожать до дому, а потом и навещать начал... Я ему честно о себе все рассказала, но это не отпугнуло храброго солдата, он сделал мне предложение руки и сердца...

Была у меня тогда подруга — Маша, дочь состоятельных родителей, она отговарива-

ла Ивана жениться на мне, говорила: «Зачем тебе нужна эта голодранка?!» Но Иван не откликнулся на ее щедрые посулы...

Родители Ивана мечтали, что их сын женится на богатой, меня они сразу невзлюбили и старались нас поссорить. Мы с Иваном уехали из города жить в село, в строящийся совхоз, для начала поставили там саманный домик и жили при свечах. Мою беременность мы от его родных скрыли...

Надумала я все же, будучи почти на сносях, поехать в деревню и показать родне, что не пропала в невзгоде, а даже нашла себе доброго мужа... На обратной дороге, а было это глубокой осенью, пришли роды, притом скоротечные... Пришлось мне рожать в стоге сена у дороги, помогал муж... Невдалеке располагалась деревня, куда мы с новорожденной девочкой вскоре направились. Мы стучались во многие двери, но открыла перед нами ветхие ворота только одна пожилая вдова, жившая на краю деревни, да и она не пустила нас с ребенком в горницу, а бросила ветошь в угол холодных сеней, где я смогла немного прийти в себя от пережитого... Пришедшая по просьбе хозяйки дома повитуха, взглянув на младенца, горе-

стно сказала: «Не жилец он на белом свете, у него глаза пустые...»

Кое-как довез Иван меня тогда, всю простуженную, с ребенком до города, а потом и до нашей саманухи...

Жили мы с ним крайне бедно... У меня было одно-единственное платье, которое я стирала, заранее растопив печку, чтобы сразу высушить свою одежонку... Иван стал ездить на заработки, он был хорошим печником и плотником. Всякая работа спорилась в его руках. Мы мечтали уехать из совхоза в город, но на это средств не было, к тому же часто болела дочка, которую мы назвали Ниночкой...

Но вот однажды к нам зашли бездетные богатые соседи и спросили, до каких пор мы будем маяться? Они предложили оставить им на время нашего ребенка, пока мы прочно не обоснуемся в городе. Мы так и сделали. На выделенном фронтовику участке земли довольно быстро вырос новый дом. Мы с мужем поехали в совхоз за оставленным ребенком, но вместо Ниночки увидели только маленький холмик на местном кладбище... Моя маленькая девочка, имея от рождения слабые бронхи, умерла от воспа-

ления легких... Я потом четыре года не могла иметь детей, что еще больше злило свекров, которые остались в неведении, что я уже была матерью...

Когда Иван уезжал работать по договорам и не хотел оставлять меня одну, жила с ними общим домом. Об этом времени у меня остались самые тягостные воспоминания... В отсутствие Ивана его родители нагружали меня непосильной работой, надеясь видимо, что бесприданница не выдержит и уйдет из дома, а мне некуда было деваться, я терпела и со временем привыкла все терпеть... Свекровь в сердцах могла схватить меня за косу, а свекор заставлял поднимать тяжелые брусья, потому я надорвалась... Он подряжался ставить людям срубы и брал меня с собой. В обеденное время он молча уходил со стройки к хозяйке дома и та его кормила, не зная, что на срубе с ним трудится его сноха... Он возвращался сытый и довольный, а я не чаяла, как дождаться вечера, чтобы получить из рук свекрови миску молока с хлебом...

Отец Ивана происходил из семьи священника, настоятеля храма в сельской местности, имел дом-пятистенок и три по-

ля с избушкой на каждом, от непогоды... Дед Ивана прибыл в Сибирь из Челябинской епархии. Пастырь душ человеческих, он имел жену, три сына и дочь. Все трудились в поте лица в домашнем хозяйстве. Только на время сбора урожая семья нанимала сезонных работников.

Несмотря на то, что в двадцатые годы церковь заявила о своей лояльности Советской власти, гонения на священнослужителей были не редкостью... Активисты комсомольских ячеек ходили с оружием, и у них буквально руки чесались пустить свое оружие в дело... Они нападали на священников, срывали церковные службы. Иванова деда обвинили в антисоветской агитации и в том, что имущество несправедливо нажил, да сослали в Нарым, на верную гибель... Дом его конфисковали, устроили там общежитие для бедняков деревни, а те впоследствии дедов дом «по пьяной лавочке» и спалили... Церковь отдали под Дом культуры... Матушка ушла жить к родне, в соседнее село, а выросшие к тому времени дети переехали в город.

Иосиф, отец Ивана, в военное время сделал все возможное, чтобы избежать призы-

ва на фронт... В кругу родных и близких он заявил, что не желает отдавать свою жизнь за страну, которая его всего лишила... Он на всю жизнь сохранил ненависть к Советской власти.

Иван в детстве был смышленным, способным мальчиком. Он мог из дерева смастерить велосипед... У него был превосходный слух и память. В молодые годы он делал мандолины, на слух настраивал музыкальные инструменты, играл на гитаре и аккордеоне, сочинял стихи... Он поступил в городскую музыкальную школу, но проучился там всего полгода. Его оттуда выгнали, когда узнали, что он из семьи раскулаченного... И так Ивана отовсюду гнали, пока не грянула война. Тогда молодой человек оказался родине нужен, его призвали на службу в Красную Армию. Через всю войну Иван прошел солдатом, многому научился и многое понял... Он считал, что остался жив только потому, что командир его не бросался людьми ради славы, как другие...

Во время войны отношение властей к церкви изменилось, даже открылись новые приходы...

После войны жизнь в стране еще долго

была очень тяжелой, но постепенно, ценой невероятных усилий простых тружеников, она в целом наладилась.

Я подлечилась и родила погодков — мальчиков, а потом и девочку. Мы жили уже в просторной доме, который сами построили на окраине города. Я завела рыжую корову Марту и на свежем молоке мои дети росли здоровыми. Дом и хозяйство охраняла сибирская лайка Жучка, очень умная собака. Ее впоследствии отравила квартирантка, жившая одно время на нашей усадьбе в летнем домике. Жучка мешала ей водить к себе поздних кавалеров...

Я хотела остановиться на троих детях и начала грешить — делать аборты, которые в то время были запрещены по распоряжению Сталина, правда, потом разрешили, но производили без обезболивания.... В очередной раз я совсем было надумала прервать беременность, но накануне увидела во сне моего отца Семена... Он шел по высокой насыпи, а я бежала низом и пыталась с ним заговорить. Когда я догнала его, он оттолкнул меня, назвал преступницей... Я проснулась вся в слезах, в тревоге и сомнении, и оставила все как есть. Но во время беремен-

ности я переболела краснухой, и врачи сказали мне, что ребенок может родиться с изъяном... Так и случилось. Мой младшенький сынишка был в детстве болезненным и слабым, и не только телом, но и умом... С ним у меня всю жизнь было много хлопот...

Временами в наш дом приезжали свекры. Бабушка совала по конфете старшему и младшему внуку, они были похожи на отца... Маленькая Танечка подходила к бабушке и просила тоже конфетку, та на нее шипела и называла внучку «змеей подколодной». Девочка лицом была похожа на меня. Мне горько было это слышать...

У Ивана со временем характер изменился к худшему. Ему все время надо было «давать леща» — уступать во всем, иначе он страшно злился. Меня он называл «всепрощенькой» и говорил, что мы живем в стране дураков... Я на многое смотрела сквозь пальцы, никого не обижала, предпочитала быть сама обиженной... Моей большой радостью были дети, я любила их до самозабвения! Как-то подросшая Таня меня спросила:

— Мама, а зачем ты нас так много народила?

— Я нарожала себе родственников, — от-

ветила я, и это была истинная правда.

Мне приятно вспомнить, как дружно мы собирались за большим столом и под разговоры обо всем на свете лепили пельмени, как хором возделывали огород, как всей семьей ходили в лес по грибы и ягоды, как трудились на картофельном поле... Наш дом был просторным, теплым и открытым. Часто к нам приходили друзья детей. Я предпочитала, чтобы дети были у меня на глазах, а не болтались неизвестно где. Готовила, пекла всего побольше, чтобы всем хватало. Чайник с плиты не убирался. По осени мы делали много заготовок на зиму. Наш дом был полной чашей...

Иван, кроме основной работы, постоянно что-то мастерил по дому. У него были золотые руки... Он делал красивую, нестандартную мебель, различную утварь. Смастерил для семьи машину, но власти не разрешили ему ее зарегистрировать... За свою жизнь он построил пять домов, потому что по разным причинам нам приходилось менять места жительства. Иван ничего хорошего не ждал от государства и не хотел от него зависеть. Детей воспитывал своим примером...

Первым женился Анатолий, за ним Николаша. С Танюшей я пережила вторую молодость, и с нею мне особенно не хотелось расставаться... Но она уехала с мужем в другой, далекий город. Я с радостью водилась со всеми своими внуками... Только у нашего последыша не сложилась семейная жизнь, остался он с нами, стариками, звезд с неба не хватал и со временем привык ни о чем не беспокоиться...

Все было более-менее спокойно, мы жили «как все», но внезапное горе перевернуло нашу жизнь... Со старшим сыном произошел какой-то темный «несчастный случай». Его положили в больницу, где он вскоре скончался... Вот тогда-то мое сердце и остановилось. Врачи вернули мое тело к жизни, но душа — умерла... Белый свет померк в моих глазах, все стало черным... Я хотела ничего не чувствовать, уйти и спрятаться куда-нибудь, чтобы все оставили меня в покое... Дети не должны умирать вперед своих родителей, это несправедливо! Я без конца вспоминала любимого сына, какой он был при жизни разумный, добрый и щедрый... Когда он знакомил меня с кем-нибудь из друзей, то говорил при этом гордо: «Позна-

комьтесь, это моя мама — Нина Семеновна!»

Он был хозяином жизни. Когда стал материально независимым, старался поддерживать меня и баловать своим вниманием. Бывало, взглянет на меня и скажет: «Мама, какая-то ты стала бледная и сумка у тебя староватая!» И привезет мне другую сумочку, крем для лица ... Он был всегда моей опорой, старшим сыном. Не раз я просила его уйти из органов, говорила, что эта служба может выйти боком... Но он отвечал: «Мы еще поборемся!» И вот итог борьбы — его не стало...

Плохо, что люди моего поколения мало верят в Бога... В религии есть немалый смысл. Верующий человек в подобной ситуации сказал бы: «Бог дал, Бог взял» и смирился бы с горем. Я постоянно мыслями возвращалась в прошлое и не могла смотреть в будущее... Денно и ночью меня жгла испепеляющая боль утраты. Я стала разговаривать с сыном во сне... Однажды муж проснулся ночью оттого, что услышал, как я засмеялась.

— Что ты, Нина? — спросил.

— Толик на портрете корчит мне гримасы, — ответила я.

Муж испугался, предложил мне развеять-

ся, навестить дочь и я стала ездить к ней — трижды в год...

Смерть человека кругами расходится по его родным и близким... Моя дочь тоже страдала от утраты. Она водила меня по врачам, делала уколы, но я потеряла устойчивость в жизни, мое горе не вышло наружу — я тяжело заболела и постепенно превратилась в «лежалое яблоко»... Переживания о несчастной судьбе младшего сына еще более подтачивали мое здоровье, я жила, как в сумерках...

Оглядываясь на прожитую жизнь, я чувствую от нее усталость... Говорят, что нашему поколению, так называемым «людям старой закалки» не повезло родиться в такое страшное время, когда жизнь человека обесценилась для жестоких правителей, самовольно взявших на себя право испытывать людей на прочность тогда как их прямой долг — заботиться о благе страны и народа...

Горестные события прошлых лет все же не ожесточили мою душу, хотя мне трудно вспомнить что-то особенно хорошее... Я была счастлива лишь тогда, когда дети мои были маленькими и нуждались в моей любви.

Их ответная любовь делала меня сильнее...

Теперь наступили новые времена... Вот, казалось бы, только-только, жизнь стала полегче, так она кончается... Приходящее в негодность тело уже не реагирует на лечение, значит, пришло время умирать...

Я прошла свой трудный путь и жду смерти, как избавления. Надеюсь, близкие будут со мной в мой последний, смертный час, окажут мне помощь и поддержку...

Господи, милосердный Господи! Отпусти мою душу на волю!

ВАЛЕНТИНА

Как-то зимой мне довелось ехать в поезде «Москва — Кисловодск», где я познакомилась с немолодой женщиной. Других пассажиров в купе не было, и мы разговорились. Я была слегка простужена, у Валентины, как представилась мне попутчица, оказалась припасена, на случай хорошей компании, бутылочка десертного вина, которым она и предложила мне «согреться». Мы вынули из сумок взятые в дорогу продукты и вместе славно поужинали. Потом, удобно расположившись на нижних полках, заговорили, как водится за жизнь.

Мне рассказывать было особо нечего, только то, что добрый муж отправил свою жену на две недели на курорт отдохнуть от детей и кухни, а вот рассказ соседки по купе мне запомнился надолго...

Со всей искренностью, присущей простой незатейливой русской душе, Валентина поведала о своей жизни. Родом она была из небольшого подмосковного городка, из семьи скромных служащих. По совету родственников, окончив строительный техникум, вышла замуж за основательного хозяина собственного дома, разведенного, гораздо старше ее, и на второй год совместной жизни родила ему дочку. Но семейная жизнь не заладилась, сказывалась, видимо, большая разница в возрасте, к тому же муж ее был сух и нелюдим, а Валя еще «не нагулялась». В итоге она вернулась к родителям, определила дочку в детский садик, а сама пошла работать на стройку. Родители помогали дочери растить ребенка, и она всегда могла на них положиться. Нравом Валентина была веселая, неунывающая, злая на работу. Замуж снова не спешила, приглядывалась к кавалерам, в которых не имела недостатка.

Как-то летом, на вечеринке у подружки, она обратила внимание на веселого парня, который хорошо играл на баяне. Она спросила у подруг, кто этот парень, и те сказали, что он недавно приехал сюда из Украины, работает на стройке, а живет в общежитии.

Парень заметил Валин интерес к себе и в тот вечер набился провожать девушку, да и в дальнейшем не давал ей проходу. Парень Вале тоже нравился, и спустя некоторое время она не стала слушать советов подруг, отговаривавших ее от повторного скороспелого замужества, решив, что они просто завидуют ее счастью. К осени молодые поженились и некоторое время жили с родителями Валентины, пока не переехали в квартиру, предоставленную Вале на производстве.

Очень скоро Валя пожалела о своем поспешном шаге: молодой супруг не принял душой ее дочку, и пришлось девочке жить большей частью у бабушки с дедушкой. А со стройки ее муж вскоре ушел, найдя себе «непыльное местечко», чтобы «тихой сапой» скрипеть до пенсии. По дому он Вале не помогал, зато был не дурак выпить, особенно на дармовщинку, в отпуск в родные места ездил без жены, к продолжению рода не стремился. Зато в глазах людей ему нравилось казаться добрым и веселым. Валя знала цену этим представлениям, но что ей было делать? Не смешить же снова людей, не искушать судьбу... Валя молчала, смиряясь с положением вещей. По натуре своей

труженица, она налегала на работу. Там ее по достоинству ценили, назначили бригадиром, потом начальником участка, предоставили недалеко от города надел земли. Худо-бедно, потихоньку, ценой больших усилий на участке вырос дом и стал подспорьем в Валином хозяйстве. В выходные она любила повозиться в огороде, прибраться в доме и погонять чай с вареньем на веранде, часто в полном одиночестве...

Так в заботах и хлопотах прошли годы. Дочь Валентины выросла, выучилась, удачно вышла замуж и подарила ей замечательного внука. Валентина, как могла, помогала молодой семье, навещала своих стариков, не забывая про нехитрое хозяйство, пока из-за пошатнувшегося здоровья ей не пришлось лечь на больничную койку.

Муж не баловал жену посещениями, а одна из навестивших ее подруг сообщила, что Валин благоверный похоже загулял. Выписавшись раньше срока из больницы, Валентина поехала домой и, не застав там мужа, отправилась на дачу.

Подходя к калитке, она встретила соседку. Та посетовала, что не ко времени Валя сюда приехала, потому как муж ее в боль-

шом подпитии развлекается в их доме с молодой бабенкой, и не посоветовала Вале идти туда. «Почему это я не могу войти в свой дом?!» — возмутилась Валентина и направилась к двери. Неверный муж, увидев жену в окно веранды, выскочил навстречу и стал ее гнать прочь, но Валя хотела войти... Он грубо толкал жену и грязно оскорблял... Валя упала на землю, тогда он стал бить ее ногами. Соседи, увидев эту дикую сцену, кинулись на выручку соседке. Отняв несчастную женщину у разъяренного мужа, они отвели ее под руки к себе домой, а дебошир с пожеланием жене «поскорее сдохнуть» закрылся в доме. Добрые соседи хотели приютить Валю у себя до утра, но вскоре выяснилось, что ей необходима врачебная помощь. Соседи отвезли пострадавшую на своей машине в городскую больницу. Там выяснилось, что кроме многочисленных синяков и ссадин у Валентины сломано два ребра.... Все ее тело сильно ныло, но еще больше страдала разбитая душа. В горячке Валя хотела заявить на мужа, потом, все взвесив, решила просто с ним расстаться. По взаимному согласию сторон, супруги после официального развода разъехались: Валя осталась в го-

родской квартире, а бывший муж поселился в загородном доме.

Долго болела Валина душа, но прошло несколько лет, и раны ее как будто затянулись. Она вышла на заслуженный отдых, с радостью занималась с подросшим внуком, а с некоторых пор стала вспоминать своего первого мужа, о котором давно ничего не слышала. В свое время он исправно посылал алименты их дочери. Вале захотелось узнать, жив ли он, здоров ли?.. Она поделилась с дочерью своим намерением навестить его. Та отнеслась к этой затее благосклонно.

И вот в ближайший выходной день мать с дочерью и внуком отправились в пригород. Подойдя к калитке знакомого дома, Валентина увидела в саду седого, но еще крепкого мужчину и окликнула его. Он подошел, узнал бывшую жену, пригласил неожиданных гостей в дом, потчевал их тем, что было, расспрашивал о житье-бытье и, одинокий, был бесконечно рад встрече с родными. Хотел их оставить ночевать, но все трое захотели вернуться домой, пообещав еще приехать.

И снова была встреча, теплее прежней. Валентина с трудом узнавала в прежде скупом и сварливом муже доброго и щедрого

хозяина. А внук буквально прирос к бабушке, бегал за ним, как хвостик. Дед стал сам приезжать к внуку в гости в город с гостинцами – дарами со своего земельного участка. Он был бесконечно счастлив, что избавился от одиночества, обретя под конец жизни любовь и поддержку родных людей.

— А вы не думали, — спросила я, — снова стать женой первому мужу?

— Нет – ответила Валентина, — это невозможно. Нас разделила жизнь.

— Вы еще можете найти себе пару, — сказала я.

— Куда мне, я уже старая, — грустно вздохнула Валя.

— Я с этим не согласна, — возразила я, — ведь в душе вы не чувствуете себя старушкой?!

— Конечно, нет, но седина, морщины... Иной раз не хочется на себя в зеркало смотреть!

— А вы преобразитесь! Фигуре вашей и молодые позавидуют. Закрасьте седину, подкрасьте брови и ресницы. Ведь не хотите же вы прожить остаток жизни одинокой!? Вот завтра приедете на место... Вокруг вас будет много свободных мужчин... И

вполне может произойти судьбоносная встреча!

— Ох, сомневаюсь! Мужчины хотят женщин помоложе!

— Так это смотря какие вам встретятся мужчины! Они ведь разные бывают. Вы еще можете составить счастье какому-нибудь пенсионеру! Не упустите свой шанс!

— И что же мне делать?

— Я думаю, вам не стоит сразу ехать в санаторий. Оставьте вещи в камере хранения. Сходите в салон-парикмахерскую. Одеты вы вполне прилично, я бы даже сказала модно. И вот что еще нужно непременно, так это теплого тона помада, думаю, такая особенно пойдет к вашим карим глазам!

Мы еще поговорили в этом духе и кое-как уgomонились глубокой ночью. Утром попрощались на перроне.

Прошло дней десять. Однажды днем я стояла в гулкой водной галерее и вдруг услышала, что меня кто-то зовет. Оглянувшись, я заметила, что ко мне спешит довольно яркая дама. Вглядевшись в нее, я ахнула: Валентина! Трудно было узнать в этой симпатичной женщине унылую пенсионерку — мою соседку по купе. Глаза ее весе-

ло сияли, и счастливая улыбка освещала по-молодевшее лицо. В тон ее каштановых волос и губной помады из-под воротника пальто кокетливо выглядывал красивый шарфик. Сумочка из жатой кожи и изящные перчатки удачно подобраны к пальто и шарфику.

— Оля, здравствуй, дорогая! Я тебя давно здесь высматриваю и наконец застала! Ты рада нашей встрече?

— Конечно, рада! Как отдыхается?

— Просто прекрасно, а как ты?

— Послезавтра уезжаю. Моя путевка на двенадцать дней.

— Так мы, наверно, больше и не встретимся?! А я хотела поблагодарить тебя сердечно!

— О, боже мой, за что?

— За умные, практичные советы. Как видишь, я им последовала...

— Я очень рада.

— И для меня пенсионер нашелся!

— Неужели?

— Да! Мы с ним случайно познакомились на терренкуре, разговорились. Представляешь, оказалось, что мы с ним из одного города, у нас даже есть общие знакомые! Он

полгода как на пенсии, а два года назад овдовел. Остался одиноким, дети взрослые, живут отдельно. За мной ухаживает, предлагает по возвращению домой поближе познакомиться, — Валя смущенно отвела глаза.

— Так в чем же дело, Валентина? Все нормально, вы уже не молодые, чтобы сразу в ЗАГС бежать! Впрочем, сейчас и молодые с этим не особенно спешат. Даст Бог, у вас все сложится!

— Ты молодая, а понятливая, Оля! Спасибо за поддержку. Будь здорова. Я пойду, а то Степан заждался, — Валентина поцеловала меня в щеку и пошла к выходу из галереи.

Я посмотрела ей вслед и мысленно перекрестилась...

ВОСПОМИНАНИЯ О ДРУГЕ

Я часто вспоминаю моего давнего друга, почившего много лет тому назад, и говорю себе, что могу считать себя счастливой, потому что часть моей жизни — четыре года, со мной рядом был этот необыкновенной души и таланта человек.

Впервые я увидела его на сцене небольшого клуба «Полянка» в концерте самодеятельных артистов, которых он поддерживал как профессионал, выступая в роли конферансье. И песни, и анекдоты, и шутки его были настолько забавны, что к завершению концерта у меня от смеха болели щеки, а в глазах стояли слезы восторга.

Звали его Леонид Петрович Серов.

Как-то придя в Дом культуры посмотреть популярный в то время фильм, я вдруг увидела своего кумира, не спеша пересекающего фойе. Когда он поравнялся со мной, я со-

вершенно неожиданно для себя поздоровалась с ним. Он остановился, вопросительно поглядел на меня с высоты своего немалого роста: «Мы с вами где-то встречались?» — «Нет, — ответила я, — но я видела вас на сцене и восхищаюсь вашим талантом!» — «А у вас, милая девушка, имеются ли таланты?» — «Не знаю, — смутилась я, — скорее всего, нет». — «Это следовало бы проверить. Я как раз набираю молодежь в студию художественного слова, и, если есть время и желание, то готов вас выслушать прямо сейчас». Я кивнула, и мы поднялись на второй этаж, где в большом светлом зале, уставленном скульптурами, я дерзнула петь и читать стихи. Голос у меня был тонким и звенящим, и Серов для начала решил его поставить. Два-три раза в неделю я приходила в тот зал, и мы подолгу говорили об искусстве, пели и читали стихи. Серов был превосходным рассказчиком, я — благодарным слушателем, мы привыкли к нашим встречам, и они постепенно переросли в дружбу.

В ту пору мне было всего шестнадцать лет. Серов пытался скрывать свой возраст, но я знала, что он стар, болен и одинок. Жил он в маленькой квартирке, которую ему

предоставили местные власти за обещание заниматься искусством с творческой молодежью города. Коллектив нашей студии был небольшой, постоянно обновляющийся, но сплоченный, способный блеснуть талантами. Серов был душой студии, а я стала «светом его глаз», как он неоднократно говорил мне. Нам, старому и малому, было очень хорошо и весело вместе. Мы часто виделись и в студии, и в городе, и у него дома, где вместе импровизировали на кухне, на ходу сочиняя стихи, которые потом записывали на магнитофон. Серов просил приходить к нему по «малейшему импульсу к общению», что я с удовольствием и делала. Родители мои не могли понять, что влекло меня к старику, почему я бежала к нему всякий раз, как только могла, а я и сама того не знала.

Мы уже разъезжали с агитпоездом с концертами в городе и по области во время разных районных, городских и областных выборов, а также по заявкам трудовых коллективов. Участники концертов премировались дважды в год — по случаю открытия и закрытия сезона, имели удостоверения с фотографией, дающие право бесплатно посещать любые концерты и фильмы в нашем городе.

Под руководством Серова я вела в концертах сатиру и юмор. Мне это было нетрудно, так как отличалась веселым характером. Перед выходом на сцену, за кулисами, Серов рассказывал мне смешные истории. Мы всегда были готовы пошутить и посмеяться, часто без всякого повода. Серов учил меня хорошим манерам и следил за моей одеждой, считал, что мне идет классический стиль. Дело в том, что по природе своей я была, что называется, в теле, но не замечала этого и часто позволяла себе одеваться так, как будто стройная, как березка. Обычно, когда я появлялась в студии, Серов вставал и обходил вокруг меня, хитро улыбаясь, а я замирала: что-то он скажет? Когда мы сидели за столом, он украдкой посматривал под стол и порой заявлял: «Люба, а я тебя больше не люблю!», после чего я спешила поставить ноги «елочкой», как рекомендуется дамам. Он учил меня танцевать и отпускал по воскресеньям в танцевальный зал, а сам входил туда и, стоя в дверях, наблюдал за мной. Его часто приглашали на банкеты важные персоны нашего города, и он неизменно брал меня с собой, и по дороге мы старательно репетировали роли «де-

душки» и его «внучки». Мой учитель был одержим идеей выдать меня замуж за достойного человека и наставлял меня вести себя таким образом, чтобы я могла покорить сердце подходящего претендента. Он даже заказал в ателье мне черное бархатное платье, которое просил надевать на приемы: «Ты хороша собой, у тебя веселый нрав и сочная фигура: представляю, какие чувства будет испытывать партнер по танцам, прикасаясь к твоему стану, затянутому в бархат!» И там, на званных вечерах, как бы он ни бывал занят разговорами, я ощущала его недремлющее око. Он оберегал меня от возможных ошибок, считая случайные обстоятельства непоправимыми. «Одна минута слабости, — предупреждал он, — может испортить всю жизнь». Серов хотел, чтобы я стала актрисой, и брался помочь с репертуаром для поступления в городское театральное училище, в приемной комиссии которого он ежегодно состоял, однако всегда напоминал при этом, что личная жизнь актеров редко бывает счастливой. Я же мечтала об идеальной для себя семье и не думала оставить прежде начатую учебу.

Серов рассказывал мне о любви в своей

жизни и в жизни других людей, и я удивлялась, насколько любовь может быть разной: от возвышенной до низкой, в зависимости от личности человека. Он часто фотографировал меня, многие из тех снимков раздарены знакомым, но некоторые и теперь со мной. Тогда у меня было много поклонников, и я ненадолго увлекалась то одним, то другим парнем: Серов из-за этого очень тревожился, опасаясь, что меня, совершенно беззаботную, может любой обидеть. Он просил показывать ему моих кавалеров, а потом высказывал свое мнение о них, и выводы его всегда были поразительно верны. У нас случались размолвки, когда он, как я считала, слишком уж выговаривал мне за легкомыслие и пропуски занятий. Обидевшись, я надолго пропадала, а он посылал ко мне домой гонцов с единственной просьбой – навестить его. Желая помучить старика, я возвращалась не сразу и заставляла его грустным и печальным. Он читал новые стихи, посвященные мне, я и сейчас помню некоторые строчки...

К Серову, случалось, приезжали друзья, с которыми он прежде гастролировал по стране. Особенно мне запомнилось появле-

ние в нашей студии нежданного гостя – великолепного Махмуда Эсамбаева. Я была в совершенном изумлении, видя живую легенду рядом с собой. Махмуд Алисултанович был безукоризненно, модно одет, носил туфли на высоких каблуках. Меня поразили его по-мальчишечьи озорные глаза, тонкий юмор, своеобразная манера держаться и непринужденно беседовать на отвлеченные темы.

Между тем здоровье моего старого друга пошатнулось, и он стал говорить о нашей скорой неминуемой разлуке. Я не принимала всерьез его слов, готовясь к предстоящему замужеству. Серову было интересно взглянуть на моего избранника, но, приезжая к нему вдвоем, мы неизменно оказывались у запертой двери, а на гвоздике обнаруживали записку, в которой значилось, что он будет нескоро...

Однажды, рассматривая фотографию моего жениха, Серов, вздохнув, сказал: «Крепкий парень, он тебе детей подарит, а до свадьбы твоей мне не дожить». Тогда я обратила все в шутку, но, придя в следующий раз в студию, застала своего друга у рояля, поющего романс о потухшем камине.

Закрыв крышку инструмента, Серов заговорил о том, что жизнь его кончается, и очень скоро мы расстанемся навсегда. Я стала говорить о нелепости предчувствий, но он резко обернулся и пристально посмотрел мне в глаза, и тут слова мои застряли в горле, я вдруг ясно увидела в его взгляде уже нечто неживое и примолкла. Потом уехала из города до конца месяца, а когда вернулась, то не нашла уже на запертой двери своего друга обычной записки. Обратившись к соседям, узнала, что Серов скончался 22 июня и похоронен на местном кладбище. Серов, как рассказали мне студийные товарищи, сильно печалился из-за моего долгого отсутствия, передавал мне сердечный привет и пожелания счастья в браке.

Мне было безмерно горько от потери любимого друга, но заботы, связанные с переменной в моей судьбе, заслонили случившееся. Вполне я осознала эту потерю позже, когда столкнулась в самостоятельной жизни с равнодушием, обманом и подлостью. Первые несколько лет я искала моего дорогого друга в толпе, а потом он стал иногда мне сниться, неизменно молча держа на руках маленькую белую собачку. Очнувшись

от такого сна, я и теперь думаю, что если существует иной мир и нам суждено в него попасть, то душа моя непременно встретится с душой моего незабвенного друга для доброго дружеского общения, которое бесценно и, возможно, лучше — нет ничего на свете...

ИСПЫТАТЬ СУДЬБУ

Услышав по радио информацию о том, что из России ежегодно уезжают за границу десятки тысяч русских женщин, я вспомнила историю трехлетней давности. Я тогда жила в небольшом городке на Дальнем Востоке и незадолго до возвращения в столицу познакомилась на вокзале с молодой женщиной, которую и раньше замечала, когда отправляла с поездом посылки дочери. Та женщина, Ирина, предлагала всем желающим серебряные украшения.

Войдя в вагон-ресторан отправляющегося поезда, где меня поджидал добрый знакомый, помогавший мне отправлять посылки, я увидела ее, сидящую за столиком с товаром. Время еще позволяло, и я попросила коммерсантку показать мне ожерелье из горного хрусталя. Ирина разложила передо мной все варианты ожерелий и сказала, что

к тому, которое я выбрала, имеются еще сережки и колечко. Я примерила сережки, и они мне приглянулись, вот только колечко оказалось маловато...

— Это не беда, — сказала Ира, — если вы хотите, я в один из следующих приездов доставлю нужное, только дайте мне свой адрес или телефон, чтобы я могла с вами связаться. Я каждые две недели здесь бываю.

Так и сделали. И вскоре я получила от Ирины желаемую вещь и пригласила новую знакомую к себе домой. Мы посидели за чашкой чая, поговорили по душам. Ирина простодушно рассказала мне о своей жизни.

Оказалось, живет она на БАМе, в маленьком городке, в который приехала с детьми из Украины после развода с мужем. Экономист по образованию, сразу работу в городе не нашла — там повсеместно проводились сокращения, — и занялась коммерцией, куда не найдется другого стоящего дела. За товаром время от времени она ездит в Москву и кое-как сводит концы с концами. Родители — пенсионеры, помочь ей не в силах. Ирина скрывается от налогов, чтобы хоть как-то растить двоих детей — четырнадцатилетнюю дочь и девятилетнего сына.

Муж, оставшийся в Украине, алименты на детей не присылает.

— А почему вы с ним расстались? — не удержалась от вопроса я.

— Он запил, остался без работы. Стал злобу на мне вымещать, хотя и раньше так бывало. Муж — патологический ревнивец, и я стала бояться, что он меня по пьянке искалечит, да дети просили: «Уедем, мама!» А вообще раньше я его очень любила, — окончила свой горестный рассказ Ирина.

— Ну, Ира, какие ваши годы, все еще будет в вашей жизни! — старалась я ее подбодрить.

— Не знаю, — отвела глаза Ирина, — мне уже 36 лет!

— Еще, а не уже, — поправила я, — а как вы оказались в этом месте?

— У меня здесь живет школьная подруга, тоже бедствует из-за сокращения штатов на дороге. Она мне предложила на ее имя сдать в магазин товар, уже месяц прошел, как она потеряла на него квитанцию и найти не может, — вздохнула Ира.

— И вы ей верите?

— Стараюсь верить, но вера убывает.

— А больше у вас здесь нет друзей?

— Нет, но пару месяцев назад я в поезде познакомилась с ресторанным поваром, он — человек женатый, но ухаживает за мной, поддерживает в поездках. Мне мужчина нужен, а с Романом мне очень хорошо.

— Не спешите Ира, поищите неженатого мужчину.

— Да кому я нужна! Как только мужчины узнают, что у меня двое детей, так сразу шарахаются в сторону!

— И все же, Ира, вы еще найдете себе пару! И вот что: в следующий раз, когда приедете, сразу приходите ко мне! Я в этот день приглашу клиенток на косметику, которой занимаюсь, глядишь, и ваши продажи увеличатся! — предложила я. Ира с радостью согласилась.

На этом мы расстались. Спустя какое-то время Ирина вновь приехала с новой коллекцией украшений и с каталогом женихов, который взяла у подруги из Екатеринбурга, приехавшей повидать родителей в городок, где обитала Ира.

— Вот посмотрите только, — показывала мне Ира, — сколько желающих жениться на русских девушках! Каких тут только нет мужчин; приведены все их данные, прило-

жены цветные фото. Может быть, кто-то из ваших клиенток этим заинтересуется? Я вам оставлю каталог на две недели. Условия сотрудничества такие: с размещением данных в Интернете это будет стоить двести долларов, а по России — пятьсот рублей!

— Ну и как, бизнес подруги процветает? — спросила я.

— О, да! — сказала Ира. — Клиентов на услуги хоть отбавляй! На деньги женихов моя подруга в пригороде уже большой каменный дом себе построила! А дело делается так: жених, выбрав невесту по каталогу в Интернете, приезжает в Екатеринбург знакомиться. Он с ней встречается и, если она ему вполне подходит, то платит тысячу долларов фирме за услуги. Молодые регистрируют брак вне очереди и вместе уезжают за границу, потому что женихи, в основном, оттуда.

— А почему бы вам, Ира, тоже не испытать свою судьбу? — предложила я, — ведь с вас подруга детства, наверное бы, и взнос первоначальный не спросила?

— Куда мне, я для таких дел старовата, — ответила она.

А я возразила:

- На этот счет, Ира, вы очень ошибаетесь! Лет вам немного, а выглядите вы даже моложе, потому что стройная блондинка, и к тому же вы — женщина теплая, а это очень важно, ведь мужчине в первую очередь нужна не мать и не хозяйка дома, а любовница! Вы, Ирочка, себе цены не знаете и до сих пор, видать, никто вас по достоинству не оценил!

— Так у меня же дети! — воскликнула Ирина.

— Ну и что?! — удивилась я. Дети — не помеха, если вы мужу будете нужны!

— Ну, я не знаю... — протянула неуверенно Ирина.

— А тут и знать нечего! В сентябре у вас отпуск, говорите? Поезжайте в Екатеринбург, к подруге, и попытайте счастья с ее помощью!

— Вы так думаете?

— Я уверена. А пока суд да дело - начинайте вспоминать английский язык!

— У меня дочь английский с первого класса учит, — сообщила Ира.

— Тем лучше, она вам в случае чего поможет.

На этом мы вновь расстались. Месяца два

Ирины не было видно. И вдруг она приехала, веселая и счастливая. Я стала ее расспрашивать, есть ли какие новости, и Ира рассказала, что побывала в отпуске в Екатеринбурге. Переговорив с подругой, она сфотографировалась, и ее данные пошли гулять по Интернету. И буквально в первую неделю на ее призыв откликнулся американец итальянского происхождения - Вейн. Он ей прислал письмо, в котором рассказал, что ему сорок лет, он не женат, работает на авиазаводе инженером, имеет дом и квартиру в городе, любит спорт и рыбалку. Ему нужна русская женщина, порядочная, желательна с детьми, вроде такой, на какой его сосед женился и безмерно счастлив. Между ними завязалась переписка, в которой Ире помогала ее подруга. Вейн сообщил, что Ирина внешность ему пришлась по душе. Но сам в Россию он первым не поедет, потому как год назад, он, также по объявлению, прилетал в Санкт-Петербург для встречи с понравившейся ему женщиной, но та, приняв подарки, растворилась в воздухе, а ему ничего не оставалось, как вернуться домой ни с чем... Его родители и сестры помогли пережить эту неприятность. Ира обещала, что с нею так не будет. А

Вейн предложил встретиться на Канарах в Рождественские праздники, пообещав, что все расходы возьмет на себя.

Ира, посоветовавшись с детьми, родителями и подружкой, согласилась.

Еще Вейн поинтересовался, какой у Ирины знак зодиака. Узнав, что Весы, Вейн пообещал Ирине послать курьерской почтой подарок.

В Россию его сюрприз добирался две недели. Подруги вместе распечатали пакет. В нем они обнаружили красиво упакованную ювелирную коробку, а в ней - золотую цепочку и медальон в виде сердца, окруженного двумя рядами мелких сияющих камней. Подруга Иры отнесла медальон к ювелиру, и тот сказал, что эти камни — бриллианты! Ирина была потрясена. За более чем десять лет супружеской жизни, она получила от мужа только обручальное кольцо, а тут чужой человек из-за океана присылает ей такую драгоценность! Ира сделала вывод, что намерения Вейна серьезны и начала готовиться к поездке на Канары.

Все это она мне пересказала и поблагодарила за подсказку испытать судьбу. Я, выслушав Ирину, озабоченно спросила:

— Ирочка, а вдруг Вейн вам не понравится? Что вы тогда будете делать?

— Он мне понравится, — твердо заявила Ира, — мне не в радость жизнь здесь без своего угла и работы, а Вейн обещает помочь мне найти там работу, если я не захочу быть домохозяйкой. Он очень рад, что у меня есть дети, о которых можно заботиться...

— А как к этому дети относятся?

— Прекрасно, они готовы перебраться в Штаты хоть сейчас. Вейн часто мне звонит по телефону, дочка у меня пока за переводчицу. Вейн надеется, что я быстро адаптируюсь на новом месте, так что я сворачиваю дела, остатки товара оставляю маме и скоро уезжаю.

— А как я узнаю, счастливы ли вы? — спросила я.

— Если все будет нормально, я не вернусь сюда, а вам пошлю открытку или позвоню, — ответила Ира.

Ирина съездила на встречу с Вейном, прислала мне оттуда открытку, в которой написала, что осталась всем довольна и к лету, после окончания учебы детей в школе, будет готовиться к окончательному отъезду, а ее «принц» за ней приедет. Они планируют

ют зарегистрировать брак в России и уехать в США уже мужем и женой.

С тех событий прошло три года. От Иры не было вестей. Она предупредила, что писать не любит. Вдруг неожиданно раздался звонок. Ира, будучи в Москве проездом, позвонила мне и сказала, что была в отпуске на родине, повидала стариков и ночью вылетает снова в Штаты.

— Так вы замужем за Вейном? — спросила я.

— Да, да! — ответила Ирина.

— И счастливы?

— Конечно!

— А дети как?

— Прекрасно!

— Вы трудитесь?

— Да, я работаю кассиром в магазине стройматериалов, не хотелось быть домохозяйкой. Все хорошо! Если вы хотите, я к вам заеду ненадолго, только я буду с Романом, — сказала, смутившись, Ира.

— С каким Романом? — не поняла я.

— Ну, с тем, ресторанным поваром. Когда-то он отговаривал меня от поездки в Штаты, хотя сам ничего не мог мне предложить, ведь у него есть сын в браке.

— Ирина, зачем он вам нужен, ведь теперь у вас есть муж! — недоумевала я.

— Ну, так, по старой памяти, мы повстречались, и он сейчас со мной, — сказала тихо Ира.

— Боюсь, Ирина, что мой муж и дети не поймут ваших порывов, они ведь знают, что ваш муж — американец, — заключила я.

— Тогда я нынче не приеду, как-нибудь в другой раз покажу вам фотографии детей и мужа. Я благодарна вам за участие в моей судьбе. До свидания.

Послышались короткие гудки...

Я повесила трубку и задумалась о судьбе Ирины и многих прочих россиянок, которые не находят счастья в своем отечестве и потому спешат уехать, что так понятно, но они не в силах разорвать все нити, связывающие их с родным домом...

ИСТОРИЯ С НЕЛЮБИМОЙ ДОЧЕРЬЮ

Встретились две подруги, матери семейств, в квартире одной из них. Расположились, как водится, на кухне. Попив чаю, женщины стали делиться впечатлениями о недавно закончившемся отпуске. Хозяйка дома, Ирина Николаевна, рассказала, как отдыхала с мужем за границей, показала свои покупки, вручила подруге сувенир — безделушку для кухни. А ее гостья, — Галина Петровна, несколько моложе хозяйки дома, рассказала, что ездила навестить своих стариков в далекий сибирский город, благополучно решила там кое-какие проблемы и вернулась домой.

— Но знаешь, Ира, — сказала она, вздохнув, — когда я ехала оттуда, встретила в поезде девушку, которую не могу забыть....

— Что же в ней было такого особенного? — поинтересовалась Ира.

— Да, знаешь, может, какое-то сходство судеб, только наоборот...

— Не понимаю.

— Ну, ладно, я тебе подробно расскажу, только давай переберемся в кресла....

Подруги прошли в гостиную, мимо кабинета, где сидел за компьютером сын Ирины Николаевны Антон.

— О, Антоша, — воскликнула Галина Петровна, — я и не думала, что ты сегодня дома!

— Я сам себе взял выходной, слегка переутомился, — объяснил Антон и снова углубился в свою игру.

— Мы тебе не помешаем, не волнуйся, — сказала мама Антона, и женщины ушли, слегка прикрыв за собою дверь.

— Так вот, Ирина, ехала я в поезде, — продолжала Галина Петровна, — ты знаешь, в двухместном купе, сразу за проводниками. И на какой-то маленькой станции ко мне в купе подседа хорошенькая девочка, лет девятнадцати. Нет, хорошенькая, не то слово - прелестная, будет сказано точнее, но без косметики, одета просто. Глаза зеленые на пол-лица, высокий лоб в обрамлении темно-рыжих вьющихся волос, безукоризненные зубки. Я подобный факт, ты зна-

ешь, всегда отмечаю... Единственно, что слегка портило ее лицо, так это манера двигать бровями, когда она чего-то стеснялась, и девушка выглядела, как обиженный ребенок. Да, да, как обиженный ребенок, в этом все дело!

Мы после ужина с ней разговорились, ведь делать было нечего. Она мне рассказала, что сама из небольшого городка Свердловской области. Учится в медицинском училище в Екатеринбурге и подрабатывает в областной больнице санитаркой. Показала фотографии родных. Отец, мать, младший брат; обычная как будто бы семья. Но и необычная в то же время...

Дело в том, что в свое время ее отцу — тогда солдату, пришлось жениться под давлением обстоятельств, понимаешь? Его вызвали из армии, чтобы он узаконил родившегося ребенка — дочку, эту самую Любочку, которую впоследствии очень полюбил, как и родившегося позже сына. Но мать не забыла своего унижения и не любила дочь, вся ее материнская любовь доставалась сыну, а дочку она обделяла... Девочка с ранних лет чувствовала нелюбовь матери к себе и очень страдала, имея душу нежную и

ранимую. Потом она, конечно, выросла, жалела и прощала мать, стремилась заслужить ее любовь.

Позади осталась школа, Любаша поступила в училище и переехала в областной центр. Понимая, какое время сложное, старалась не обременять семью расходами, стала подрабатывать. Благо, тетушка, бездетная сестра матери, от которой, кстати, Люба ехала в тот раз, всегда ее жалела и помогала, чем могла...

Соседки по общежитию считали Любу жадной, себе на уме, а ей просто не с чего было быть щедрой. Того, что она привозила из дому и от тетушки, ей самой едва хватало пропитаться. Это, как правило, картошка, овощи, варенье, соленья да кусок сала зимою.

Когда ввели плату за общежитие, Люба уже работала в больнице и кое-как сводила концы с концами.

Я поинтересовалась, кто назвал ее Любовью и есть ли у нее мечта. Она сказала, что имя получила от бабушки по матери, а ее мечта — учиться в институте. Она сожалела, что не сразу поступила в институт, и теперь он — не для нее....

— Почему? — удивилась я.

— Все денег стоит, — сказала грустно Люба, — а у меня их нет и не будет. Тут мой папа как-то мне сказал, что в Екатеринбург приедет, поищет прибыльней работу, чтобы меня учить. Но я ему сказала, что это невозможно, ведь все, что он заработает, пойдет на то, чтобы снять квартиру...

— А как другие девочки решают эту проблему? — спросила я.

— У нас в отделении работает моя подруга Ася. Один богатый пожилой мужчина предложил ей оплатить учебу. Я за нее порадовалась, а Ася мне сказала, что тот мужчина готов за нее платить, если она пойдет к нему в содержанки...

— А ты не примеряешь эту роль к себе? — обеспокоилась я.

— Что вы, я лучше буду есть хлеб с квасом!

— Да, Люба, не спеши, не разменяй себя! Судьба достойная найдет тебя! — посоветовала я.

— Я не пойму, зачем ты мне все это сказала? — удивилась Ирина Николаевна.

— Да потому, что я к девочке той прониклась душою. Я рассказала ей, какая у меня

дочь, с «комплексом Электры», как я с ней настрадалась... Мы с Любой даже всплакнули, сочувствуя, друг другу... Я вот о чем жалею: не взяла у этой бедной чистой девочки адрес, ничем ей не помогла.... Она рано утром, когда я еще спала, сошла с поезда.... У моей красотки тряпок кучи, раздаст подругам. Так почему бы не помочь в нужде хоть чем-то этой милой девушке?

— Ну, как ты ее сейчас найдешь? — усомнилась Ирина Николаевна, — успокойся!

Подруги еще поболтали немного и пошли по магазинам....

Из соседней комнаты рассказ Галины Петровны внимательно слушал Антон, и заинтересовался. Ему как раз в скором времени предстояло поехать по делу в Екатеринбург... Антон для себя решил, что когда там будет, то непременно постарается найти и увидеть зеленоглазое «чудо»...

Тридцатилетний Антон, неженатый, симпатичный получил прекрасное образование и с помощью отца, высокопоставленного чиновника, несколько лет назад открыл собственное дело и был материально независим.

Когда спустя неделю Антон прилетел в

Екатеринбург, то, остановившись в гостинице, первым делом узнал у дежурной по этажу, где находится областная больница. Та ему объяснила, как туда добраться. Разрешив свои дела, Антон, ближе к вечеру, подъехал на такси к больнице, и в фойе приемного покоя спросил, не мог бы он увидеть сестричку Любу?

— Это черную, с косой?

— Нет, рыжую, с зелеными глазами, — уточнил Антон.

— Смирнову? Она сегодня не дежурит, приезжайте завтра!

Антон ушел прочь огорченным... У него появилось время подумать и решить, каким образом познакомиться с Любашей, ведь она его совсем не знает. Он решил представиться сыном подруги Галины Петровны, тем более что так, оно, в принципе, и было... А Галина Петровна, якобы зная о командировке Антона, попросила его передать от нее подарок знакомой девушке...

Антон отправился в магазин и закупил московских сладостей, которых там оказалось довольно много. На следующий вечер он, с большим пакетом, опять направился в больницу.

По вызову к нему вышла Люба в белом халате и косынке. Она остановилась в дверях покоя, осматриваясь по сторонам. Антон на нее взглянул - она была, точно, «чудо»!

— Это я вас вызывал, — сказал Антон и шагнул к Любе навстречу. — Вы меня не знаете... — и далее по заготовленному ранее сценарию....

— Давайте познакомимся, я — Антон, а вы — Люба Смирнова, — продолжал он, — я вас сразу узнал со слов Галины Петровны. Возьмите, вот это она вам передала...

— Ну, что вы, зачем?.. — залепетала, смутившись, Люба.

— Но не везти же мне все это обратно? — шутливо возразил Антон, — Галина Петровна меня за это будет ругать!

— Ну, ладно, возьму. Передайте, пожалуйста, от меня Галине Петровне огромное спасибо. Я так удивлена, не ожидала! — Люба собралась уходить.

— Пожалуйста, еще минуту, — я в этом городе впервые, остановился в гостинице, в центре. Вы не могли бы, например, завтра, показать мне город?

— Конечно, могу, я как раз завтра не де-

журю, но я не знаю, что именно вы хотели бы посмотреть.

— А что покажете, я буду всем доволен — Антон облегченно вздохнул, поняв, что знакомство состоялось.

В это время мимо них прошел медбрат, кивнул Любе и подозрительно покосился на Антона...

— Так, значит, Люба, мы договорились? Скажите, где вас ждать...

Молодые люди попрощались, и Люба вернулась в отделение.

— Что это за московский жлоб к тебе подъехал? — поинтересовался у Любы ее однокурсник Петя, по совместительству медбрат.

— С чего ты взял, что он — московский? — огрызнулась Люба.

— Я их нюхом чую, мой двоюродный брат живет в Москве, и от него много разного слышал о москвичах. У них все так: ты к ним в гости — ты им должен; они к тебе — ты должен снова! Интересно знать, что ты этому жлобу должна?

— Ничего, — отрезала Люба, — отстань от меня!

И пошла в палату, но задумалась о том,

что с ней произошло. Что-то похожее на сон. Нежданно и негаданно к ней приехал человек, да не какой-то, а интересный молодой мужчина: уважаемый, солидный, в галстучке...

— Как приехал — так и уедет, — решила про себя Люба, — и думать не надо...

Антон же, добравшись до гостиницы, лег, не раздеваясь, на кровать и глубоко задумался: Любаша ему очень понравилась. Вот если заменить этот нелепый халат, косынку, одеть красиво, так она даст сто очков вперед любой супермодели.... А как она смущается, краснеет.... Те девушки, с которыми он общается, давно про это забыли! И как только еще никто не приметил этот бриллиант!

Всю ночь Антон то спал, то бредил Любой. Вставал, курил, глядел в окно на город. Эта простая девушка не поедет с ним на море, не позволит себя купить. Да ему и не надо! Ему хочется ее любить, создать с ней семью! Да, он этого точно хочет! Что же делать, чтобы быть к ней ближе? Открыть в Екатеринбурге филиал фирмы и переехать сюда жить? Или предложить ей перевестись в Москву, снять для нее квартиру? Она не

согласится, это ясно....

На следующий день Люба, выйдя из общежития, увидела поджидавшего ее Антона. Молодые люди отправились в краеведческий музей, погуляли по центру города, устали. Антон предложил Любе посидеть с ним в ресторане.

— Я здесь ни разу не была, — сев за столик, призналась Люба.

— Я тоже, — засмеялся Антон и попросил меню.

— А зачем вы приехали в наш город, — чтобы как-то начать разговор, спросила Люба.

— Дела с партнером по бизнесу.

— У вас частный бизнес?

— Да!

— Наверное, хорошо ни от кого в жизни не зависеть?

— Конечно, хорошо! А вам еще долго учиться?

— Целый год, но я люблю учиться, — уточнила Любаша.

Они сделали заказ. Люба, немного стесняясь, но с любопытством осматривалась в незнакомом месте, а Антон, глядя на нее, думал:

— Вот девушка, которую я давно искал.

Умна, красива, не болтлива, и к тому же у нее такие губки, которые хочется целовать...

— А у вас — красивый галстук, Люба прервала его приятные размышления...

— От Версаче.

— Это тот, которого застрелили?

— Вы об этом тоже слышали?

— Мои соседки в общежитии покупают глянцевого журналы, и я иногда кое-что читаю, хотя предпочитаю художественную литературу. В последнее время увлекаюсь современной прозой.

— Люба, а вы - красивая, вам это кто-нибудь говорил? — поинтересовался Антон.

— Спасибо за комплимент. Вы — первый, — смутилась Люба.

— У вас есть друг?

— Да, у меня есть друзья, подружки...

— А настоящий друг? — Антон со значением посмотрел в ее глаза.

— Пожалуй, нет, — сказала тихо Люба.

— Я хочу стать вашим другом! — с чувством произнес Антон.

— Так будьте им, — неожиданно для себя сразу согласилась Люба и добавила: — я не против доброй дружбы...

Она сильно смутилась, нахмурила брови,

сказала, что ей уже пора... Антон уговорил ее остаться... Молодые люди поужинали, и Антон подвез Любу до общежития, девушка сдержанно с ним попрощалась и ушла. Антон успел сказать, что скоро вновь приедет и они непременно увидятся...

Антон вернулся в Москву, поехал к Галине Петровне и открыл ей свои намерения: ему надоела холостяцкая жизнь и он видит в Любаше свою будущую жену и мать своих детей... И просит у Галины Петровны содействия и помощи....

Галина Петровна согласилась принять в нем участие:

— Если бы у меня был сын, я бы не видела для него лучшей жены, чем Любаша, — сказала она.

Они договорились, что Галина Петровна напишет Любе и пригласит к себе в гости. Ей бы хотелось, чтобы скромная девушка благотворно повлияла на ее дочь, стала бы примером для подражания. Люба не сможет отказать....

Чтобы закрепить свои позиции, Антон снова поехал в Екатеринбург, примерно в то время, когда Люба должна уже получить письмо и пребывать в раздумьях....

У дверей ее общежития Антон столкнулся с тем самым Петей. Парень смерил Антона недобрый взглядом и сказал:

— Напрасно вы приехали. Любы в общежитии нет, она уехала домой!

Но Антон ему не поверил и попросил вызвать Любашу. Она к нему скоро вышла и приветливо поздоровалась, спросила, как идут дела.

— С делами все в порядке, — ответил он, — а что за парень вышел в синей рубашке и сказал, что вас здесь нет?

— Это мой земляк Петя, я его с первого класса знаю, — улыбнулась Люба.

— Он в вас влюблен? — прямо спросил Антон.

— Не знаю, — сказала Люба, — но наши родители были бы не против породниться.

— А как вы на это смотрите? — Антон явно волновался.

— Я — никак, Петя просто мне товарищ, мы подрабатываем вместе, — засмеялась Люба, в душе порадовавшись, что Антон ее ревнует....

Молодые люди вновь гуляли по городу, посидели в ресторане. Люба рассказала, что Галина Петровна пригласила ее к себе в гос-

ти, на дачу, но она не знает, как поступить....

— Я еще посоветуюсь с родными, — заключила она.

— А вы бывали в Москве?

— Нет, к сожалению, ни разу!..

— Тогда обязательно надо ехать. Подруга моей мамы — Галина Петровна, очень хороший человек, вам у нее наверняка понравится. Я ее помню с детских лет. Наши мамы учились в одном институте, только в разное время — рассказал Антон.

— Да, Галина Петровна — добрая, но почему именно я ее заинтересовала?

— Я не знаю, но одно могу сказать: нужно ценить доброе отношение хороших людей!

— Да, да, — задумчиво согласилась Люба.

Они еще немного поболтали, и Антон отвез Любу в общежитие. Расставаясь, держал ее руку в своей, прикоснулся к ней губами. Люба, тактично высвободив свою руку, поспешила с Антоном попрощаться.

Чуть позже к ней в комнату постучался Петя. Он, увидев из окна Любу с Антоном, определился со своими чувствами:

— Что снова около тебя делает этот московский жлоб? — начал он весьма агрессивно.

— Зачем ты так грубо говоришь, — возмутилась Люба, — Антон — не жлоб, а друг моих знакомых!

— Ах, друг! Да ты знаешь, как москвичи говорят о девушках? Мне брат рассказывал, что их девиз: «всех баб перетрахать невозможно, но к этому надо стремиться»!

— Что ты мелешь, Петя?! — возмутилась Люба. — Антон не такой!

— Откуда ты знаешь, какой он? Ну, конечно, деньги, рестораны! Умеет в глаза пыль пустить! У меня пока нет денег, но когда мы с тобой отучимся, станем работать нормально, то мы себе тоже сможем, кое-что позволить! — закончил Петя.

— Мы с тобой?! С чего бы? — удивилась Люба.

— С того, что ты мне нравишься, и если я еще раз твоего хахаля рядом с тобой увижу, то набью ему морду! — разошелся не на шутку Петя.

— Ну, хватит, уходи, — твердо сказала Люба и закрыла дверь за Петей, а сама в замешательстве присела на краешек кровати. Заглянула в свою душу, в ней все перемешалось....

— Я не стану для Антона легкой добычей,

— твердо решила она.

На выходные Люба поехала в пригород, к родителям. Поговорила откровенно с матерью. Та, может быть впервые, обняла сердечно дочку и посоветовала:

— Не отталкивай от себя добра, Любаша! Может там тебя твоя судьба ждет! Никого не слушай, только свое сердце!

И Люба, оформив на работе отпуск, взяла билет до столицы. На вокзале ее встретила Галина Петровна с дочерью Анжелой. Они заехали ненадолго в их московскую квартиру, а потом отправились на дачу, в ближнее Подмосковье.

Анжелике Люба понравилась: молчит да слушает, а ей самой есть, о чем порассказать! О кавалерах, шмотках, дискотеках, о веселой московской жизни... Она на Любу свалила свои ставшие ненужными тряпки... Люба поблагодарила, но примерять их не спешила. Вела себя сдержанно, слегка зажато.

— Да ты расслабься, Любчик, — ворковала Лика, пока ее мама накрывала стол на веранде, — вечером Антон придет со своим другом Кириллом, рванем все вместе в город, в казино, я давно мечтала... После обеда

давай вздремнем, а то, может быть, ночью спать не придется...

Люба удивилась, но возражать не стала...

Действительно, ближе к вечеру приехал Антон с другом, на собственной машине. Молодежь, весело поужинала и, расцеловав на прощание Галину Петровну, укатила в город.

Антон предложил Любе место впереди, рядом с ним, но притихшая девушка заби-лась на заднее сидение, за водителем, слушала приятную музыку и смотрела в окно, поражаясь масштабам надвигающейся на нее столицы...

Проехав по Тверской с ее красивыми яркими огнями, они миновали мост и вскоре притормозили у ярко освещенного, буквально сияющего здания. Вошли, зарегистрировались на первом этаже и поднялись на второй, в игровой зал. Выбрали «Рулетку».

Любе казалось, что все, что с нею происходит, - сон, но тут Антон протянул ей фишки и попросил поставить...

— Новичкам везет, — сказала Лика, но ничего не понимающая Люба поставила, как оказалось, не туда и проиграла, отчего смутилась и, встав за Антоном, стала наблюдать за игроками в зале. Публика здесь была

довольно пестрая: стильно одетые, сдержанные «эстеты», и люди, смахивающие на бандитов, и настоящие игроки, которые ничего, кроме игры, вокруг не замечали, разве только отвлекались, что бы выпить предложенную служащей рюмку водки...

Спустя некоторое время наша компания, оставшись почти что «при своих», спустилась в подземный зал, в ресторан. Там к потолку был прикреплен зеркальный шар, отчего весь зал искрился. Сделав заказ, друзья поужинали под эстрадную программу, а позже сами стали танцевать.

Друг Антона успел первым пригласить Любу на танец. Антон, с минуту наблюдал за движущейся парой, не выдержал, оставил Лику одну за столиком и отнял у друга свою девушку... Люба даже через одежду почувствовала, как горит тело Антона...

— А Антон в тебя влюбился, — задумчиво констатировала позже Лика, когда после возвращения домой девушки уже легли спать.

— С чего ты взяла? — спросила, не открывая глаз, Люба.

— Я его таким смирным и послушным никогда не видела. Он стал, как мальчик, а вооб-

ще он — сильный деловой мужчина... Как жаль, что я не в его вкусе! — продолжала рассуждать Лика. — А ты разве не хочешь замуж?

— Не знаю... Мне еще год учиться!

— Ну и что? Одно другому не мешает! Вот я бы с удовольствием пошла, да не зовет никто, одни игрушки! — вздохнула Лика.

— Антон — такой взрослый и серьезный, всегда при галстукe. Я его немножечко боюсь, как строгого учителя.

— Вот глупая! Мужчина и должен быть старше женщины....

— Я еще не женщина..., — призналась Люба.

— Ну, умора! В провинции таких, как ты, наверное, много... Это — вчерашний день, теперь — другое дело, — засмеялась Лика.

— Возможно, это и смешно, так смейся, — Люба отвернулась к стенке.

— Ну, ладно, не сердись, я это так, с досады, — извинилась Лика, — давай спать!

Люба еще долго лежала без сна, думала: зачем она приехала сюда, чтобы над ней смеялась Лика?

Антон тоже не спал. Он раздумывал, как привлечь Любу к себе, разбудить ее нетронутые чувства....

На следующий день Люба, проснувшись

поздно, вышла на террасу и увидела там Лику, болтающую с кем-то по мобильному телефону. Увидев Любу, она сообщила, что сегодня они поедут той же компанией на вернисаж, к Измайловскому парку.

В полдень приятели заехали за ними. Люба едва узнала Антона - он поменял свой имидж. Вместо делового костюма – джинсы, рубашка и модные кроссовки...

Девушки, выбрав сувениры, рассматривали картины. За ними следовали мужчины. Антон, поглядывая на Любу, размышлял все о том же: «Наверно, она думает, что я что-то вроде Дон Жуана... Надо ей честно рассказать о моей личной жизни!»

Вечером Антону представилась такая возможность. Кирилл пригласил Лику на прогулку к лесному роднику. Антон с Любой, по настоятельному совету Галины Петровны, тоже пошли прогуляться,

— Люба, могу я вас спросить? — начал Антон.

— О чем? — напряглась Люба.

— Чего бы вы хотели от жизни?

— Во-первых, доучиться.

— И все? А замужество есть в плане?

— Есть, но гораздо позже.

— Но почему?

— Когда есть семья, должны быть дети, — уверенно сказала Люба.

— Резонно, — согласился Антон.

— Их мать, по моему мнению, должна иметь образование, желательное высшее.

— Если вам еще год учиться в училище, плюс пять-шесть лет в институте, выходит только через шесть или даже семь лет вы созрете для брака?

— Не знаю, как получится, но я думаю так.

— Хорошо, что вы о браке все же думаете, — перевел дух Антон. — Каким должен быть избранник?

— Нормальным человеком, желательное непьющим, некурящим, хотя такого мужчину, наверное, не встретишь, — смутилась Люба от града вопросов.

Антон затушил сигарету и отбросил в сторону...

— А где бы Вы хотели жить с семьей, в деревне или в городе?

— Где будет моя семья, там мне и будет родина, — ответила Люба, — единственно, хотелось бы, к родителям поближе. Я их очень люблю и по ним скучаю...

— Вы их часто навещаете?

- Да, по возможности.
- Когда поедете к ним в следующий раз, меня с собой возьмете? — заглянул в ее глаза Антон.
- Зачем? — удивилась Люба.
- Просить вашей руки! — твердо произнес Антон и взял девушку за руку.
- О боже, Вы меня смущаете! — Люба опустила голову.
- Я вас люблю.
- Так скоро? —, Люба недоверчиво взглянула на Антона.
- Чтобы влюбиться достаточно, мгновения! — воскликнул Антон, — скажите, я вам нравлюсь?
- Сама не знаю, — залепетала тихо Люба, — я при вас робею!
- Неужели я такой страшный, Люба? — Антон поцеловал ей руку.
- Нет, но... — Люба отняла руку.
- Что же мне сделать, чтобы вы меня полюбили? — Антон попытался привлечь к себе Любашу, но она отстранилась...
- Вы, наверное, любили многих?
- Почему вы так решили? — обиделся Антон.
- Вы меня гораздо старше.

— На каких-то десять лет! Конечно, девушки у меня были, врать не стану... До армии был влюблен, как полоумный! Подруга обещала ждать, но обманула... Потом девушкам мало верил, не думал о женитьбе, пока не встретил вас! Вы мне подарите надежду?

— Я еще сама не знаю, — пряча глаза, сказала Люба.

— А кто же знает, Люба? Пушкин? Простите, глупость — отчаянно произнес Антон. Люба в смущении отвернулась.

— Ну, хоть одно мне скажите, — настаивал Антон, — я вам хотя бы не противен?

— Нет! — воскликнула Любаша.

— Ну и слава Богу! — перевел дух Антон, — но Люба, мне мало нашей дружбы! Я хочу большего... Вы понимаете, о чем я? — Антон вновь заглянул в ее глаза.

— Да, понимаю, — покраснела Люба.

— Вы мне подарите счастье? — продолжал наступать Антон.

— Я пока не знаю... — Люба уже чуть не плакала.

— Может быть, у меня есть удачливый соперник?

— Вроде, нет, — развела руками Люба.

— А Петра вы точно не любите?

— Точно, точно не люблю.

— А меня полюбите?

— Я сейчас не знаю, ничего не могу вам сказать, — дрожащим голосом произнесла Любаша.

— Ах, Люба, Люба! Вы меня сводите с ума! Послушайте, как бьется сердце, — Антон взял ее руку и приложил к своей груди. Люба услышала ровные глухие удары сердца сильного мужчины, и эти звуки привели ее в волнение.... Антон поднес ее руку к своим губам и стал нежно целовать: ладошку, запястье, каждый пальчик... Потом, полуобняв, поцеловал в шею. Люба напряглась, волосы буквально встали дыбом.... Она импульсивно отшатнулась от Антона. Он коснулся пальцем ее носа и сказал печально:

— Спи, дитя!..

Они вернулись на дачу взволнованные и притихшие. Больше в тот вечер не говорили.

Ночью Люба не спала, а, лежа в постели, думала, что значат для нее слова Антона: «Спи, дитя»? Неужели он потерял к ней интерес? Но она этого не хочет!

Антон тоже ворочался в постели. У него не было опыта общения с невинными де-

вухками, и он боялся решительными действиями отпугнуть Любашу...

— Надо постараться разбудить ее чувственность, — размышлял он, — не может быть, чтобы она была холодной, ведь как зарделась тогда, щечки сияли, как кровь с молоком.... Спасибо Лике, по дружбе подсказала, как ему одеться, чтобы произвести на Любу впечатление....

Антон надеялся еще и на «тяжелую артиллерию» в лице Галины Петровны....

Та специально не сразу заговорила с Любой об Антоне, ждала своей партии и сыграла, когда заметила между ними отчужденность.... На следующий день она рассказала милой гостье, что Антона знает с детства, вся его жизнь прошла перед ее глазами.... Он — парень хороший, верный и семья у него приличная такая. Вот повезет его избраннице, будет за ним, как за каменной стеною... Такого, как Антон, зятя, она бы для Анжелы хотела, но браки совершаются на небесах, насильно мил не будешь....

— Сегодня вечером мы приглашены к моей подруге, матери Антона, — добавила позже Галина Петровна, — если ты, конеч-

но, Любочка, не против, пойдём с нами вместе. Она с мужем ждёт нас на даче, здесь, неподалеку... Как и мы, лето проводят на природе...

Люба понимала, что её обхаживают «хором». Она себе твердила, что никто её замуж насильно не выдаст, времена не те. И она поехала на дачу.

Ирина Николаевна с мужем радушно приняли гостей на веранде. Ей обо всем было давно известно. Она так мечтала о внуках, что ей было все равно, на ком сын женится, был бы только счастлив... Посмотрев же вблизи на девушку, она его выбором осталась вполне довольна, ей стало понятно, отчего сын в последнее время как будто потерял разум... И муж ей незаметно подмигнул: хороша дивчина, ничего не скажешь!

Антон подъехал позже, помог выйти из машины красивой стройной блондинке, похожей — секретарше. Недолго с нею посидел за общим столом. Предложив ей руку, ушел с той блондинкой, Аллой, в дом... Присутствующие недоуменно переглянулись... У Любы в тот момент было такое чувство, что земля вот-вот разверзнется и поглотит

ее... Она машинально допила свой чай, и чтобы скрыть свое состояние, сказала всем, что погуляет за оградой...

Люба вышла за калитку, перешла дорогу и углубилась в лес. Увидев поваленное дерево, села на него и дала волю слезам.... Так она на себе ощутила болезненные уколы ревности... Теперь ей точно стало ясно, что она Антона жутко любит и ни с кем делить его не хочет...

Вдруг Люба почувствовала, что кто-то сзади осторожно взял ее и поднял за плечи. Она в испуге оглянулась и увидела... Антона! Он ее крепко обнял и стал целовать лицо, залитое слезами:

— Кто мою девочку обидел? — спрашивал он ее, целуя.

Люба еще всхлипывала, как ребенок, не говоря ему ни слова.... Он усадил ее вновь на дерево, присел с ней рядом, снова обнял. Все между ними стало ясно.

— Сейчас мы успокоимся, ведь правда, — нежно целуя девушку, — говорил Антон, — и вернемся в дом женихом и невестой, ты не против?

Люба покачала головой.

— И завтра же, слышишь, завтра, мы с то-

бой поедem к твоим родителям и начнем подготовку к свадьбе, — сказал он твердо. — Я не хотел бы ни дня ждать! Я так тебя люблю, что сам пугаюсь. Ты мне веришь?

— Верю, — отвечала Люба.

— Я все устрою с твоей учебой и переездом. Ведь где твоя семья, там твоя родина, не так ли?

— Правда, — вторила Любаша.

— Ну, вот и славно! — обрадовался Антон, снова целуя Любашу... — А теперь пойдem, моя милая, — облегченно вздохнул Антон, — нас все заждались!

Взявшись за руки, молодые люди вышли из леса. На веранде их с нетерпением ждали все собравшиеся, лишь только Алла исчезла, как будто не была здесь вовсе.... Все обнимали и целовали жениха и невесту, подруги даже всплакнули вместе.... Люба уже не так смущалась, держась за руку своего Антона — какое счастье любить самой и быть любимой!

А дальше дело завертелось. Антон проявлял деловую сметку. Люба ждала, что дальше будет.... Жених с невестой съездили на родину Любаша, решили связанные с переменами в ее судьбе, вопросы. Родные

Любы приезжали к ней на свадьбу... Молодые, как водится, уехали в свадебное путешествие к теплому морю, наслаждались друг другом. Строили планы и мечтали вместе.... В общем, жили уже своей, самостоятельной семейной жизнью...

ИСТОРИЯ С ПАСХАЛЬНЫМ ЯЙЦОМ

Светлана с тяжелыми сумками спешила от стариков из Подмосковья в свою маленькую московскую квартирку, чтобы успеть до прихода мужа с работы прибраться и приготовить ужин. Отец из-за поломки машины не смог подвезти дочь до дома, и теперь она, оттягивая руки тяжелыми сумами с банками и в который раз ругая себя за это, наконец добралась до подъезда своего дома и присела на скамейку передохнуть да набраться сил, чтобы поднять сумки на четвертый этаж.

Родители Светланы несколько лет назад купили дочери, еще до ее замужества, квартиру, если ее можно было так назвать: прихожая — вдвоем не повернуться, комната — пятнадцать метров, совмещенный санузел и кухня — всего три с половиной метра. Но в то время студентке института она показала-

лась раем. А ее муж Вадим, бывший сокурсник, назвал эту квартиру «халупой», но у самого и такой не было. До женитьбы он довольствовался на пару с другом комнатой в общежитии. После окончания учебы остался в Москве, поменял много рабочих мест и сейчас был в поиске...

Светлана, помыкавшись первое время и не найдя прилично оплачиваемой работы по специальности, устроилась работать в банк и своим выбором была довольна. Она ко всему в своей жизни относилась серьезно. Ей нравилось быть женой, и с удовольствием она стала бы и матерью, но Вадим был против. Он считал, что их семья еще недостаточно крепко стоит на ногах, чтобы позволить себе такую роскошь — ребенка, да и где его растить — самим тесно... Света, скрепя сердце, соглашалась. Ей надоело принимать гормональные таблетки, от которых она слегка расплнела. «Подожду еще годок-другой, — думала она, — и брошу пить пилюли».

А пока Вадик был ей и мужем, и ребенком. Она любила его баловать, экспериментировать на кухне. У Вадима, большого любителя пива, появилось брюшко...

Но вот, наконец Света вошла в квартиру,

поставила сумки в кухне и нырнула в ванну. Лишь позже, когда подошла к холодильнику, чтобы вытащить продукты для готовки, увидела прилепленный к дверке листок, на котором рукой Вадима было выведено всего несколько строчек: «Светлана, меня не жди, я не вернусь. Я встретил настоящую любовь. Прости меня, я виноват, так получилось. С разводом сам все устрою. Прощай!»

Света попятилась к стене и опустилась на стул. В голове загудело, и все перепуталось, ноги стали ватными. Придя в себя, она перешла в комнату и легла на диван. Он встретил настоящую любовь, а кем же я была? — побежали мысли. — Временным пристанищем, кухаркой, прачкой? Удобной женщиной под боком? Наверное, всем этим вместе, так сказать, в одном флаконе!

Светлана стала вспоминать, как Вадим два дня назад настойчиво провожал ее к родителям. Хотел, наверное, без помех собрать свои вещи. Встала, открыла шкаф — точно, одежды Вадима не было. А также исчез компьютер с принтером. И как она сразу не заметила? Светлана с горечью припомнила, как в последние месяцы Вадим пристрастился к компьютерным играм и блужданию

в Интернете. Бывало, его никак не дозовешься, ему всегда еще «чуть-чуть осталось», и она засыпала в одиночестве... А если она работала в субботу, он уходил к друзьям пить пиво, наверное, то была отмазка. Когда он возвращался, то сразу лез в ванную, чтобы смыть чужие запахи... С мобильным телефоном уходил на лестницу, говорил, что бережет ее уши... А она ничего не видела, вилась вокруг него, обсуждала с ним общие покупки. И ведь как раз сейчас они должны были ехать в Сочи, она уже неделю в отпуске, а у Вадима сегодня последний рабочий день. Последний день ее семейной жизни. Последний день... Слово привязалось. В горле стоял ком: ни проглотить, ни выплюнуть... Всю ночь Света проплакала — то себя винила, то проклинала мужа и тут же каялась пред Богом, просила снисхождения...

Через день она вышла на работу, потому что не могла оставаться одна дома. Родителям решила пока ничего не говорить, надеясь, что, может быть, Вадим вернется... Но шли дни, недели, он не объявлялся, не звонил... Через месяц Света позвонила другу Вадима по институту и спросила, не знает ли он чего-нибудь о ее муже?

— Да что тут знать, — ответил Никита, — Вадим нашел богатую бабенку и «свалил», пока ее во всем удовлетворяет. В общем, устроил свою задницу неплохо. Ты, Светик, не горюй, какие твои годы, еще кого-нибудь подцепишь!

— А ты как живешь? — спросила Света.

— Мы с Томкой тоже разбежались. Отдельное жилье, работа, ее тряпки — кому все это надо?! Я у родителей живу. Красота! Выпить и забыться!

Светлана опустила трубку. Может быть, правда не брать все в голову, как посоветовал Никита, поискать кого-нибудь другого, ведь так хочется любви и ласки, в душе столько тепла! Неужели это никому не нужно?! Она подошла к зеркалу, разделась, придирчиво осмотрела себя. Для своего возраста, а было ей под тридцать, она выглядела еще очень неплохо, высокая сероглазая шатенка, как говорят, с правильными чертами лица. Хорошо бы немного похудеть, но это не проблема. Надо только потрудиться над собой — и можно будет выйти в свет...

Светлана даже обрадовалась, что нашла себе занятие, кроме работы в банке. Она записалась на шейпинг в вечернюю группу в

спортзале ближайшей школы и с радостью туда ходила. Их развод прошел без осложнений: им нечего было делить. Вадим пришел с Никитой, Света с Лерой. Та, видимо, желая Свету успокоить, выходя из загса, так высказалась о бывшем муже подруги:

— Было бы из-за кого переживать! Какой-то он хорек, и глаза близко к носу!

Как-то зимой, в субботний вечер, Лера позвала Свету в открывшийся недавно в их районе клуб потанцевать, развеяться... Света согласилась. Оделась понаряднее: самое лучшее платье, дубленка, новый норковый берет.

Там, в клубе, где-то в разгар вечера, к Светлане подошел и больше ни на шаг не отходил шикарный, похожий на артиста, молодой мужчина. Модная стрижка, ухоженные руки – сразу видно, что он за собой очень следит... Светлана почувствовала себя рядом с ним королевой! Новый знакомый был настолько предупредителен и нежен, что ее сердце вмиг растаяло, а и она перестала трезво соображать... Молодые люди до ночи пили вино и танцевали, а на «чашку кофе» поехали к нему домой. Там они еще немного выпили, потанцевали при свечах и

как-то невзначай перешли в спальню.

За эту ночь любви Светлана не раз почти что умирала и вновь воскресала в объятиях ласкового друга... Утром он принес ей кофе в постель. Светлана не могла поверить, что это все — реальность, и очнулась, когда на ее вопрос о новой встрече перед расставанием, мужчина ей по-деловому ответил:

— Когда захочешь, детка! А сейчас давай расплатимся за вечер, за вино, за удовольствие — с тебя две сотни баксов!

— Что, что ты говоришь? — Светлана пошатнулась и прислонилась к стене.

— Я говорю, что за удовольствие надо платить, понятно? — твердо отчеканил он.

— Так ты, выходит, проститут, профессиональный трахальщик? — воскликнула пришедшая в себя Светлана.

— Я это иначе называю: секс-услуги, — съязвил мужчина.

— У меня с собой таких огромных денег нет, вот, возьми! — она вытащила свой кошелек из сумочки и отдала ему. «Друг» стал пересчитывать наличность, а Света, забыв про новенький берет, ринулась прочь из квартиры. Выскочив из подъезда, она задохнулась, потом началась истерика. Не видя

ничего перед собой, она металась среди домов, стараясь выбраться на какую-нибудь дорогу... Оказавшейся в карманах мелочи хватило, чтобы добраться до дому.

С этого дня Светлана заболела. Она была не в силах совладать с собой. Время от времени, казалось без причины, из глаз ее катились слезы. На работе заметили ее необычное состояние, посоветовали обратиться к врачу, и Светлана пошла к психотерапевту.

На вопрос врача, что с ней происходит, Светлана без объяснений разрыдалась.

— Мне все понятно, милая, вас жизнь достала... Давайте для начала снимем напряжение, — и доктор попросил сестру сделать Свете укол, а потом прописал ей необходимые лекарства...

Недели через три Светлане стало легче, и она уже могла общаться с людьми без слез и горечи. Стала чаще ездить к матери, делилась с нею всем, поняв, что причина всего случившегося не только в ней самой, что ей просто не повезло в «брачной лотерее»...

Весной Светлана зашла за какой-то мелочью на рынок и, не пройдя и десяти метров, почувствовала, что кто-то коснулся ее плеча и сказал негромко:

— Валя, валю!

— Что-что? — не поняла сначала Света.

— Целую в запретительные места, — похабно ухмыляясь и заглядывая ей в глаза, объяснил простоватый, со слащавой физиономией, коренастый мужик.

— Ах ты, подонок, — замахнулась на него Света сумкой, — дерьмо поганое!

— Что ты орешь, нет — и не надо, — отскочив, не стал настаивать и юркнул в толпу этот тип.

Светлана забыла, зачем пришла на рынок. Побрела на остановку:

— Все на продажу! Что за время! — возмущенно думала она.

С того дня ее отношение к мужчинам резко изменилось. В метро, к примеру, она смотрела на сидящих напротив нее мужчин и отмечала про себя: «крупное животное», «мелкая особь».

Когда же перед Пасхой у Светы в автобусе вытащили кошелек с зарплатой, она, не желая «напрягать» родителей, пришла домой, критически осмотрела свои вещи, выбирая, что можно продать, чтобы продержаться первое время. Много лет у нее хранился подарок бабушки — старинное пас-

хальное яйцо. С этой памятной редкой вещицей Светлана встала на Арбате.

Мелькали многочисленные зеваки, некоторые брали яйцо в руки, приценивались, но готовы были купить его лишь за небольшую цену... Светлана уже пожалела, что приехала сюда, она замерзла, и, поняв, что сделала очередную глупость, собралась уходить, как вдруг услышала:

— И вы такое чудо продаете?!

Светлана подняла глаза и увидела перед собой высокого, несколько необычного вида мужчину. По акценту она поняла, что перед ней иностранец. Длинное пальто из тонкой, мягкой ткани и элегантная шляпа выдавали в нем состоятельного человека.

— Да, продаю, — ответила Света.

— Должна быть веская причина, чтобы расстаться с такой чудесной вещью, — предположил незнакомец.

— Да, она есть. Меня муж бросил! — вспыхнула Света, желая, чтобы иностранец поскорее ушел, а она забыла бы свой глупый поступок. Но иностранец не уходил. Он стоял рядом и, не стесняясь, рассматривал лицо молодой женщины, отчего Светлану передернуло. Затем улыбнулся и сказал:

— У нас в таком случае говорят: и неизвестно кому повезло. У вас так тоже говорят?

— У вас — это где? — неожиданно для себя поинтересовалась Света.

— У нас в Италии. У нас бережно хранят семейные реликвии! — улыбнулся мужчина.

— У нас, в общем-то, тоже, — Света покраснела. — Я передумала продавать эту вещь. Пойду домой. До свидания.

— Зачем откладывать свидание? — спросил недоуменно иностранец. — Давайте посидим в кафе, я приглашаю. Как вас зовут?

Светлана хотела было возразить, что ей не до кафе, но вместо этого назвала свое имя.

— Меня зовут Джанфранко, я из Милана, здесь работаю, а чем вы занимаетесь? — засыпал вопросами итальянец.

Незаметно для себя молодые люди очутились в кафе «Шоколадница», где за уютным столиком проговорили два часа. Светлана старалась держать себя в руках, не расслабляться, но ничего не получалось, настолько ей понравился Джанфранко. А про себя отметила, что он чем-то похож на ее отца, такой же светлый, сероглазый, только значительно моложе.

— Ну вот, — думала она, — скучающий иностранец поупражнялся в русской речи, — сейчас мы с ним расстанемся и больше никогда не встретимся.

Но не тут-то было. У Джанфранко зазвонил мобильник, и он, переговорив, сказал, что должен сейчас идти по делу, но хотел бы получить Светины координаты, чтобы иметь возможность пригласить ее в театр. Светлана дала телефон, но подумала при этом, что он вряд ли ей позвонит.

Прошло два дня, Джанфранко позвонил, пригласил Свету в театр Оперетты. Потом они побывали в Большом театре и в Малом. Затем посетили какую-то торговую выставку, в которой принимали участие и итальянские фирмы...

Джанфранко Свете ужасно нравился, но она изо всех сил старалась не строить иллюзий, хотя в душе уже мечтала о нем и с рвением принялась учить итальянский...

Обычно он отправлял ее домой после представлений в театрах на такси, но как-то раз довез до дома и остался на ночь... Светлана от него была просто без ума, но не обольщалась.

— Вот, — думала она, — закончит он свои

дела и навсегда уедет, а у меня хоть будет что вспомнить. Лучше него все равно никого не будет в моей жизни!

Джанфранко между тем заявил ей, что обожает делать своим друзьям подарки, и у Светланы постепенно обновился гардероб... Она себя не узнавала. Встречая знакомых, избегала говорить о своем счастье. Ей казалось, что этим она его разрушит, слазит. Предпочитала плыть по течению. Не задавала своему другу вопросов, довольствуясь тем, что он ей сам рассказывал. С работы бежала домой, заглядывала по пути в супермаркет, готовила разнообразные блюда, ждала звонка или же мчалась на встречу с ним из своего спального района в центр. Была нежна, заботлива, игрива, стремилась понимать его без слов и отдавалась без оглядки. Жила как в тумане, так, как будто каждый день ее был последним... Итальянец был немногословен, но умел тронуть струны ее души, и у Светы не возникало ни малейшего желания взглянуть на кого-то, кроме него...

Однажды Джанфранко попросил Светлану, чтобы она взяла очередной отпуск в сентябре.

— Зачем? — спросила она.

— Хочу, чтобы ты съездила со мной в Италию, а пока надо оформить тебе загранпаспорт.

И была прекрасная Италия, и знакомство с его мамой, которая оказалась мудрой женщиной. Она рассказала Свете, что Джанфранко прежде был женат на женщине, не пожелавшей ему родить ребенка из опасения испортить фигуру... Увидев, как Светлана, сидя за столом с собравшимися родственниками, под скатертью нервно сжимает и разжимает пальцы, обняла ее и ласково сказала:

— Ты не волнуйся, детка. Будь сама собой. Мой сын тебя очень любит!

Прошло уже пять лет, как Светлана живет в Италии. Ее родители побывали в гостях у дочери. Светлана счастлива в браке с Джанфранко. Родила ему двоих детей, погодков, мальчиков, похожих на отца. В их загородном доме, в гостиной, в буфете, на расписной подставке стоит пасхальное яйцо как символ их счастья и любви...

ИСТОРИЯ С ВЕСЕЛЫМ НАЧАЛОМ

Две подруги встретились после нескольких лет разлуки. Та, что вернулась, Надя, пришла с мужем к Гале на ужин. При первой же возможности подруги уединились, выйдя на балкон. Галя закурила, вытащила из кармана блузки фотографию:

— Взгляни.

Надя взяла фотографию, повертела в руках. На ней был снят худой мужчина, острое лицо сероватого оттенка, стрижка «бобрик», вместе с Галиной, сидящей в кресле, нога на ногу, с сигаретой в руке, картинно отставленной в сторону.

— Кто это? — поинтересовалась Надя.

— Мой любовник!

— А муж знает?

— Нет, но ты не представляешь, как я счастлива!

— А как же Святослав? Он ведь такой хо-

роший! Ты слышала русскую поговорку, что, сколько веревочке не виться, а конец будет? - Надя явно огорчилась.

— Да ты так не волнуйся! Святослав думает, что у нас с Валентином общая работа, совместные командировки по весьма денежному делу. Валентин — молодец, умеет деньги заработать, и мне перепадает... Знала бы ты, какие он мне подарки подарил! От Святослава я таких с роду не видела! — перешла на шепот Галя.

— А как же дочь?

— Что дочь, она почти взрослая, школу закачивает, поступит в институт...

— Нет, все не так просто, Галя! Тебе за сорок! Зачем тебе такие перемены? — не унималась Надя.

— О переменах пока никто не говорит, — недовольно заметила Галя.

На этом разговор закончился, мужчины пригласили своих жен к столу.

Прошло недели три. Освободившись от срочных дел, Надя позвонила подруге. Трубку взял Святослав.

— Она здесь больше не живет, — сообщил он Наде новость. — Галина Гуленой оказалась. На днях я шел вечером из магази-

на, гляжу, в машине у подъезда Галина целуется с Валентином. Они меня не видели. Минут через десять она поднялась, я не сдержался, дал ей по губам, а она за дверь и прочь умчалась... Такие вот дела.

— А где Аленка? — встревожилась Надя.

— У матери Галины. А я вот пью с досады...

Надя, как могла, Святослава успокоила, а сама расстроилась. Она лет десять знала Галю, с тех пор, как их дочери в первый класс пошли. Ее Маша одно время сильно болела, так Галина помогла и делом, и советом. Теперь Надя оказалась в сложном положении: с одной стороны, она сочувствовала Гале, а с другой — осуждала ее за развал семьи. Через несколько дней позвонила Галя и рассказала, что они с Валентином сняли квартиру и Аленку заберут пока к себе.

— Ты представляешь, — рассказывала Галя, — какая Святослав сволочь, расквасил мне лицо, и я пока не выхожу на улицу... Валентин спрашивал, как я могла от такого придурка дочь родить? Я ему сказала, что вовсе не от него, а от одного инженера...

— Ну что ты, Галя! Разве можно такое даже со злости говорить? У Аленки с отцом одно лицо! — возмутилась Надя.

— Сейчас все можно! Такие времена пришли! Короче, у нас с Валентином общее дело. Со Святославом я разведусь официально. Он поедет жить в квартирку мамы, а мама переедет в нашу, трехкомнатную, и будет там жить с Аленкой. Только она поставила мне жесткое условие: пока она жива, я не буду жить с ней под одной крышей. Я согласилась. На крайний случай у меня есть один запасной вариант — тетка, сестра матери. В случае чего скроюсь у нее. Ее телефон и адрес никто не знает. Она за неимением своих детей всегда меня любила...

Как запланировала Галя, так все и получилось. Прошло время, страсти улеглись. Надя навестила подругу. Перед встречей Галя объяснила, как Наде следует себя вести с Валентином:

— Валентин — очень важная персона, человек гордый, и с кем-либо из моего прежнего окружением дружить не хочет. Не надо вспоминать, что было...

— Не надо, так не надо, — согласилась Надя. Придя к ним в гости, она увидела, что подруга живет богато и вроде бы счастливо. Валентин накопил ей шуб, украшений, разных нарядов. Балует и Аленку: ни в чем де-

вочке отказа нет. Но все-таки Наде было как-то тревожно за подругу, которая стала раздражительной, циничной...

И опасения ее, в конечном счете, подтвердились. Спустя примерно год раздался неожиданный звонок из той квартиры, где жила мама Галины:

— Подруга, выручай, приходи скорее! — кричала в трубку Галя.

— А что случилось?

— Сейчас мне некогда в подробности вдаваться, при встрече расскажу!

Заинтригованная Надя поспешила в бывший дом Галины и узнала, что Валентин «сорвался», на даче начал бегать с топором за Галей и Аленкой. Хорошо, Аленка шустрой оказалась, сумела ухватить ключи от обеих квартир. Пока Валентин пребывал в запое, мать с дочерью из одной квартиры все ценное вывезли. Осталось вычистить другую... Надя нужна там, чтобы «караулить». Надежда была в шоке, но, все-таки поехала с подругой по известному адресу. Там в страшной спешке Галина собирала вещи, грузила вместе с нанятым водителем в какую-то машину... Часть дорогой мебели и холодильник она отвезла к тетке, у которой

поселилась, часть - к матери и дочери. Когда Валентин очухался, все было кончено. Он позвонил Наде, спросил, не знает ли она, где его Галя?

— Не знаю, — сухо ответила Надя, и это было правдой.

— Слушай, подруга, приезжай ко мне, жарим курочку, выпьем, закусим, — предложил ей Валентин.

— У меня дела, — отказалась Надя.

Подруги больше не встречались. По слухам, Святослав живет один за городом, он всех простил, доволен... Дочке, чем может, помогает. Галина похоронила тетку, живет в ее большой квартире, в центре, тоже одинока.... У Нади все по—прежнему. Они с мужем вырастили детей, теперь гадают, кто им скорей подарит внуков: сын или дочь...

КРЕСТНАЯ МАТЬ

Мне в жизни повезло. У меня было две матери. Одна — родная, а другая — крестная. В семье я была третьим ребенком, до меня родилось два мальчика, и мать с отцом ждали девочку. В решительный момент отца в доме не оказалось, старших детей оставить было не на кого, и мама собралась рожать дома, благо по соседству жила Лидия Ивановна — акушерка, взявшаяся помочь с родами. Их с мамой связывала долгая добрая дружба.

Подруги тщательно подготовились к предстоящему событию, которое изрядно затянулось, а когда счастливо завершилось, Лидия Ивановна заявила о своих правах: «Знаешь, Нина, — сказала она, — я ведь словно вместе с тобою рожала, так что это и мой ребенок. Я стану крестной матерью нашей девочке!» На том они порешили, и так было.

Спустя несколько лет моя семья переехала в тихий соседний городок, где отец поставил новый большой дом для разросшейся семьи, а прежний задешево продал Лидии Ивановне с ее матерью, и они поселились в нем, уехав из своего ветхого угла, а мы стали наезжать к ним в гости, как к себе домой.

Тут надо сказать несколько слов о матери моей крестной. Она была из «бывших», сосланная из Петербурга в Сибирь, где прожила нелегкую жизнь (умерла в 83 года), но до последнего своего дня подвивала волосы и ходила на каблуках. Она не разрешила Лидии Ивановне выйти замуж за Афанасия Степановича, полу-китайца, с которым ее дочь познакомилась на церковном подворье.

Лидия Ивановна раньше была замужем за полевым хирургом, с которым в качестве медсестры прошла через войну. Тогда у нее был шанс стать матерью, но муж, видимо, из-за тягот военного времени, отговорил ее от этого шага, и Лидия Ивановна навсегда осталась бездетной. Муж, по словам крестной, был хорошим человеком, да больно охочим до женщин. «Лида, — говорил он ей, — я тебя очень люблю, но кроме тебя мне

нужно еще пять женщин». После войны они расстались, и Лидия Ивановна долго жила одна. Только после смерти матери она вышла замуж за Афанасия Степановича. В ту пору ей перевалило далеко за сорок, с крупными чертами лицо вряд ли можно было назвать красивым, руки ее загрубели от работы, но несмотря на это, крестная обладала редким обаянием и спокойным характером.

Их жизнь с Афанасием Степановичем тоже не была безоблачной. Как-то раз к Лидии Ивановне пришла одна из прихожанок, лет на десять ее моложе и, смущаясь, сказала, что перед ней и Богом не может утаить, что Афанасий Степанович домогается ее... Женщины, посоветовавшись, решили общими усилиями помочь заблудшей душе вновь встать на путь истинный и в этом преуспели...

Супруги жили небогато, но в достатке. На небольшом подворье держали пару поросят и десяток кур-несушек. В огороде у них росла различная бахча, а маленький садик украшали ранетки и прекрасные цветы. Охраняла дом и все хозяйство злая собака на длинной цепи, не признававшая никого, кроме хозяев.

Как только я подросла и освоила элект-

ричку, стала приезжать к крестной в гости. Она встречала меня всегда сердечно, расспрашивала о житье-бытье в нашей семье, сажала за стол, обычно говоря: «Давай пить варенье с чаем!»

Супруги своеобразно питались. Крестная не умела готовить первые и вторые блюда, в основном, они ели каши и салаты, вареные всмятку яйца да пили чай, который очень любили. Но к чаю порой чего только не было на их столе: и сыр, и домашняя ветчина с колбасой, и копченое сало, и мед с вареньем. Особенно крестной удавались пироги, в этом она была непревзойденной мастерицей!

Будучи истинно верующей, крестная часто на досуге читала Библию в старинном кожаном переплете, но меня к вере не привлекала, считая это сугубо личным делом каждого человека.

Моя мама страдала от сердечной болезни, и крестная за нее очень тревожилась. «Дорогая моя крестница, — говаривала она мне, — на все воля Божья. Если с твоей матерью что и случится, знай, что у тебя есть вторая мать, которая, пока жива, тебя в беде не оставит! Я твоя мать перед Богом, а это

ничуть не меньше, чем родная».

Несмотря на возраст, крестная была современным человеком. Она живо интересовалась наукой и искусством, читала газеты, смотрела телевизор и была в курсе событий, происходящих в стране. Они с Афанасием Степановичем верили в счастливое будущее, в то, что завтра будет лучше, чем вчера...

В летние каникулы я приезжала к крестной погостить на недельку-другую и помочь по хозяйству. В один из приездов я застала там родственницу Афанасия Степановича — Таню, мою ровесницу, с которой мы быстро подружилась. Лидия Ивановна нам многое позволяла. Однажды мы добрались до ящика с обувью ее покойной матери и выбрали себе по паре причудливых туфель, похоже, из прошлого века, в которых и собрались поехать на следующий день с Лидией Ивановной в областной центр. Она нас предупредила, что вряд ли нам будет удобно в такой обуви в дальней дороге, но мы с Таней об этом и слышать не хотели, и крестная не стала настаивать: «Воля ваша».

Желая в поездке выглядеть получше, мы с Татьяной накануне накрутили волосы на старые металлические бигуди и легли в них

спать. Утром мы дружно стонали, держась за больные головы, а Лидия Ивановна нас утешала, говоря: «Ради красоты, чем не пожертвуешь!» Из поездки мы с Таней вернулись еле живые, так намяли ноги неудобной, тесной обувью, но жаловаться было не на кого, лишь только на себя.

Когда я собралась выходить замуж, поехала к крестной с приглашением на свадьбу, мало, впрочем, веря, что она откликнется на него: крестной было под семьдесят, и она уже не отличалась крепким здоровьем, а это торжественное событие должно было произойти далеко от ее деревни, но она сразу согласилась: «Конечно, я поеду, — это мой долг как матери!» И она прибыла на торжество с богатым подарком и напутствием молодым в семейной жизни, очаровав всех присутствующих своим живым юмором и оптимизмом. Я, со своей стороны, бывая в родных местах, навещала свою крестную, сначала с мужем, а потом и с детьми. Приглашала ее к себе в гости в далекую Москву, сильно сомневаясь при этом, что она когда-нибудь соберется в дорогу, но плохо я знала свою крестную: она приехала, желая своими глазами взглянуть, как живет ее крестнице

в браке. Ей было в ту пору под восемьдесят, и она опасалась, как бы чего не вышло. «Чего вы боитесь, крестная?» — не понимала я. «Боюсь подлость тебе сделать» — «Какую такую подлость?» — «Да умереть боюсь у тебя. Вот недельку погощу - и в обратный путь».

Мы прожили вместе три недели, и я не уставала удивляться ясности мыслей и бодрости духа моей крестной. Она с удовольствием занималась с детьми, читала им и рассказывала сказки. Я тогда подрабатывала шитьем.

Однажды так получилось, что у нас закончились деньги, а муж мой был в командировке. Заказчицы не шли за готовыми нарядами, и Лидия Ивановна выложила свою наличность, которую мы быстро потратили и снова оказались без средств. «В моем кошельке вошь на веревке и блоха на поводке», — сказала крестная и пошла на кухню собирать молочные бутылки, чтобы сдать их в приемный пункт и выручить за них хоть какие-то деньги. Все это она делала легко и весело. «Будет день и будет пища», — любила повторять она. Действительно, на следующий день пришли заказчицы и расплатились со мной за работу. Потом вернулся из командировки муж, расплатился с

крестной, и все вошло в привычную колею...

Прошло еще несколько лет. Афанасий Степанович лег на операцию в больницу, простудился там и умер. Лидия Ивановна осталась в доме одна. Прознали об этом какие-то бандиты и подступились ночью к дверям ее дома в надежде пожить. А у крестной тогда было правило: укладываясь спать, она закрывала ставни на винты, а дверь — на крепкие засовы. Более двух часов ломались в дверь бандиты, пытаясь сорвать ее с петель, да ничего у них не вышло, ведь дверь когда-то устанавливал мой отец, основательный во всем человек. Но от шума и пережитого страха у крестной впоследствии стала болеть голова.

Вскоре после этого случая я приехала к крестной и просила ее перебраться в мой дом, но крестная не согласилась. «У тебя дети, их под стеклянный колпак не посадишь, а я не переношу шума». И она устроилась «доживать» в пансионат для ветеранов войны, предварительно распорядившись всем своим имуществом, оставив мне все самое ценное, предупредив при этом, что вещи эти «не на светлый, а на черный день».

Я навещала крестную в пансионате и ос-

талась довольна увиденным. Но не долго пожила там Лидия Ивановна. Неловко оступившись, упала, сломала шейку бедра и вскоре умерла, приняв смерть спокойно, без жалоб и стенаний. Она похоронена вдали от городского шума, в светлой березовой роще, такой же светлой, какой была ее душа.

Я, вспоминая свою любимую крестную мать, слышу обращенные ко мне ее слова: «Пой, веселись, моя красавица! Я каждый день за тебя Бога молю!»

Теперь же о своей душе мне надо самой подумать...

ЛОЖНОЕ ЧУВСТВО

Учась в молодые годы в техникуме, — теперь его называют «колледж», — Лена стремилась сохранять свою индивидуальность, быть не такой, как все прочие, одетые в униформу. По началу ей за это перепало от местного начальства, но она стала заниматься общественной работой, и ее оставили в покое.

Красивую девушку замечали многие ребята, особенно со старших курсов, а Лена никем не интересовалась. В ее группе учился парнишка, маленький такой, губастый — Фимочка Табатчиков, так он в Лену «втрескался» с ходу...

Фиме хорошо давались точные науки, а у Лены с этим были большие проблемы, и она использовала Фиму во время контрольных работ и зачетов. Он был у нее и «Табакерка», и «Табуретка», и «Табло», а иногда и

«Табло-заподло». Фима на Лену иногда сильно обижался и надувался, как индюк, но Лена знала, как с этим справиться, и к тому же «хитрая лиса» парню обещала, что в конце заключительного курса его поцелует....

В начале первого года обучения Лена заметила, что один парень с выпускного курса всегда пристально смотрит на нее, проходя мимо по коридору. Он был не чета Фимочке. Высокий и красивый, славянской внешности, с зелеными глазами. Поначалу она путала его с другим, тоже симпатичным парнем, тоже с усами... Сомнения отпали, когда однажды зеленоглазый парень сел с нею рядом в актовом зале и заговорил. Уже была весна, близилось распределение, и скромный парень, видимо, решил, что больше со знакомством тянуть нельзя....

Молодые люди договорились, что после занятий дойдут вместе до остановки, а дальше — он поедет в одну сторону, она в другую. С тех пор так и повелось: парень, и девушка на ходу узнавали друг друга в разговорах по дороге из техникума.

Но вот прошло распределение. Знакомый Лены, Борис, начал готовиться к отъезду из города и попросил девушку прийти

на вокзал его проводить. Они встретились там задолго до отхода поезда. В зале ожидания Лена познакомилась с матерью и братом Бориса, и молодые люди пошли гулять по городу. Борис тянул Лену в уединенные места, где мог обнять и поцеловать, а Лена вела его на люди...

Но вот они уже на перроне. Объявили об отправлении поезда. Борис попрощался с матерью и братом, и повернулся к своей девушке: наконец-то он обнял ее и хотел поцеловать в губы, но Лена уклонилась, и поцелуй пришелся в щеку. Борис вошел в купе, открыл окно и, не отрываясь, смотрел на девушку, пока состав не уехал с вокзала.

Лена стала получать от Бориса пачки писем, в которых он писал, что бесконечно ее любит и жизнь его принадлежит только ей одной. У Лены в ту пору не было кавалеров (Фимочка не в счет!) и она мало-помалу втянулась в переписку, и со временем ей стало казаться, что она тоже любит Бориса, о чем она ему сообщила.... А когда первый трудовой год Бориса закончился и он приехал в отпуск, и встречи молодых людей возобновились, — Лена поняла, что Борис не тот, кто ей нужен!

Лена хотела, чтобы в Борисе было всего больше от взрослого мужчины, чтобы, если он ее обнимал, так чтоб кости трещали, а если целовал — так чтоб сводило скулы...

Борис появился в доме Лены, понравился ее родным, ухаживал за ней так бережно и нежно, словно она хрупкая статуэтка. Она любила шоколад, он приносил ей его «горы» и осыпал любимую цветами. Она любила гулять по лесу, он носил ее, весьма плотную девицу на руках без усталости. Она рассказывала ему сказки, он, безусловно, верил, и потакал ее капризам, которые порой бывали жестокими.

Лена знала, что Борис к вечеру должен был уезжать в определенный час, иначе, опоздав на автобус, ему некуда было в городе деваться. Зная это, она иногда убегала от него в лес за домом и пряталась в овраге. Сидела там и слушала, как Борис, бегая по лесу, зовет ее, а потом горестно уходит... Он всегда первым просил у нее прощения, даже за ее вину. Он обожал ее и боготворил. А с ней подобного не происходило.... Трудно предугадать все перипетии тогда, когда между людьми нет открытости и ясности....

И вот Борис решил: предложил Лене

руку и сердце.

— Нет, нет, — торопливо отказала она, не теперь, мне еще год учиться. А вдруг я забеременею, а тебе еще служить в армии!

— Да, осенью меня призовут, я жду повестку. Ну и что же? Одно другому не помеха! — убеждал ее Борис.

— Нет, если мы и поженимся, то только после твоей службы в армии, — твердо сказала Лена.

Борис снова уехал, а через пару месяцев, к осеннему призыву вернулся. Он приезжал к Елене, стремился, как можно чаще ее видеть. Она его упорно избегала...

А дело было в том, что незадолго до приезда Бориса, Лена неожиданно влюбилась! Случилось это на вечере танцев, туда ее пригласила подруга. Там весь вечер ее безмолвно приглашал светловолосый молодой мужчина, от общения с которым она с первых секунд, как спичка, загорелась...

После вечера он подошел к ней, представился: Иван, — и, властно взяв за руку, устремился по дальней тенистой дорожке к остановке. Там было полно людей, но это не помешало ему повернуть девушку к себе и поцеловать так горячо и страстно, что у

нее земля поплыла под ногами Иван усадил Лену в такси, не сказав ни слова, и бедняжка провела всю неделю в лихорадке, гадая, увидит ли она еще когда-нибудь своего кавалера...

Как раз в эти дни приехал Борис, но Лена, зная, что вскоре он уедет снова, старалась, чтобы их встреча не состоялась... Она убегала с занятий, едва слышав от подруг, что Борис где-то рядом, домой не сразу возвращалась, засиживалась у подруги...

Борис, не имея возможности лично поговорить с Леной, записал и передал ей через знакомых кассету, где все слова его были о любви и тревоге, терзающей душу...

И все-таки их встреча состоялась. Борис застал Лену дома и в лоб спросил, что же случилось? Загнанная в угол, она призналась, что его не любит, ждать не будет, что все меж ними кончено...

Переменившись в лице, Борис спросил, не любит ли она другого человека?

— Да, я люблю и, возможно, скоро выйду замуж! — выпалила Лена, по сути, еще не зная, встретится ли когда-нибудь с Иваном...

— Ну, ладно, я уйду, — сказал с горечью Борис, — будь счастлива, но я тебе желаю,

если не теперь, так в будущем, так же страдать, как я сейчас страдаю, гореть в таком же огне, в котором я горю!

И ушел...

Лена ругала себя последними словами, но ничего с собой поделывать не могла...

И был снова вечер танцев, и была новая встреча с Иваном. Будучи в восторге от своего нового поклонника, Лена все же заметила, что он ни под каким предлогом не хочет знакомиться с ее родными и друзьями... Они встречались в каких-то уединенных кафе и на танцах, а Лене хотелось всем своим Ивана показать.

Однажды Иван встретил Лену после занятий и, как уже бывало, пригласил ее на танцы. Хотел подождать на улице, пока она переоденется... Но Лена настояла, чтобы они в дом зашли вместе.

За столом сидела ее мама с соседкой. Пришлось Ивану к ним присоединиться.... А Лена незаметно взяла фотоаппарат и, неожиданно появившись в дверях гостиной, щелкнула затвором... Иван на снимке получился весьма испуганным...

Позже, когда Лена совсем была готова уступить Ивану во всех его желаниях, одна ее

верная подруга, видевшая их вместе, сказала Лене, что парень-то женат, и жена его скоро должна родить...

Это известие для Лены стало большим ударом. Ей помогла прийти в себя лишь ненависть — родная сестра любви...

От Бориса приходили письма, полные отчаянья. Он Лене писал, что ему так горько было, что он готов был с жизнью распрощаться, да, спасибо, помогли друзья, помещали вовремя... Писал о том, что без любви жить не хочет, и лучше бы она его сама убила, чем ему так мучиться... о том, что, наверно, это Ленина мать приворожила его к своей дочери, раз ему свет не мил... Порой Лене казалось, что она слышит за собой его шаги по скрипучему снегу... «Может быть, ты объяснишь мне, что между нами было?» — зывал в конце письма Борис.

Лене не хотелось отвечать. Но ее задели недобрые слова Бориса в адрес ее добрейшей матери, относившейся к нему всегда тепло. И она написала ему письмо, в котором опровергала его ложные обвинения, сочтя оскорбительным для девушки узнать, что в нее, оказывается, можно влюбиться лишь посредством приворота... И хотя она

еще свободна, но для него она потеряна, потому как ей нужен другой, совершенно непьющий человек... и все в таком же духе. А Борис в последнем письме попросил у Лены за все прощение и обещал впредь не беспокоить...

Лена благополучно окончила техникум. Ее бессменный приятель Фимочка, за время учебы здорово вытянулся и стал завидным парнем: на него заглядывались девчонки с младших курсов. Мало того, он стал настоящим героем, вытащив весной из карьера тонувшего подростка... Друзья расстались без поцелуев, Лена подарила Фиме на память свое фото.

Прошло еще какое-то время, и Лена встретила человека, как нельзя лучше подходящего ей. Она вышла за него замуж, родила ребенка и, переехав в другой город, ждала приезда своей мамы, ставшей счастливой бабушкой.

Минуло несколько дней их приятного общения, и мать сказала:

— Ну, дочка, вижу я — живешь ты хорошо, надежно, слава Богу! Но я должна тебе сказать, потому что обещала, что незадолго до моего к тебе отъезда, к нам приезжал твой

бывший друг, Борис... Мы с отцом ему сказали, что ты счастлива замужем и недавно стала мамой.

— Но если в ее жизни что-то переменится, — сказал Борис мне на прощанье, — вы передайте ей, что я ее по-прежнему люблю и всегда готов принять с ребенком!

— Ты же видишь, мама, у меня все в порядке, — удивилась Лена.

— И слава Богу! — повторилась мать.

Прошло немало лет. В жизни нашей Лены было много радостей и бед. Ее муж из пылко влюбленного превратился в равнодушного раба привычки.... Лена устала огорчаться. Бывало, нет-нет, да и вспомнит утерянного друга, и горько признает, что никто в жизни, кроме Бориса, ее так сильно не любил, и не молился на нее, как на икону... Если бы позволила судьба, и довелось им снова повстречаться, то Лена встала бы перед Борисом на колени и просила бы у него прощения за свою непомерную жестокость....

Но глубоко задумавшись, Лена себя уговаривает, что, может быть, ей все это только кажется.... Вот был бы мужем Борис — наверное, крепко выпивал бы, от широты натуры,

да поколачивал бы свою женушку... Но легче представлять себе что-то хорошее... Приятно думать, что был в ее жизни человек, боготворивший ее, такую глупую, противоречивую девчонку...

МОИ КОШКИ

Прежде я себе и не представляла, что в нашей городской квартире будут жить кошки. Я считала, что их место в деревне, в частных домах, на свободе и приволье. Но подрос мой младшенький сынишка и стал настойчиво просить завести в доме собаку или хотя бы кошку.

Тут как будто бы нарочно позвонила одна моя подруга и предложила нам последнего котенка от своей породистой кошки-первородки — русской голубой.

Мы с сыном, не мешкая, поехали за котенком. Правда, нам больше приглянулась кошка-мама, как сфинкс лежавшая на ковре в прихожей, но нам ее никто не предлагал. Мы привезли домой маленькую кошечку, похожую на мышку, которую согласно выданному клубом документу рекомендовалось назвать на букву «Х» и мы ее назвали Ханей.

Наша подопечная с первых же дней усвоила правила проживания в новом доме и впредь нас не огорчала. Я на нее смотрела как на забаву, живую мягкую игрушку, а дети от киски были в восторге, любили с ней играть, холить. Ханя быстро росла, была спокойна, добродушна и тиха. Элегантная и стройная, на высоких тонких лапах, она с непередаваемой грацией носила свой хвост, живущий словно бы своей отдельной жизнью. Она была общительной, уверенной в себе и обожала комплименты. Бывало, назовешь ее красавицей, она тут же встанет на лапки, подойдет, завибрирует голосом, начнет тереться носом об ноги, потом устанет и приляжет где-нибудь рядышком, закрыв свои умные зеленые глаза. А стоит кому-нибудь снова шутя сказать: «Ханя — красавица» - и кошка вновь подойдет и снова начнет благодарно ласкаться. Она понимала многие слова, в еде была неприхотлива, а к нам терпима. «Кошка-философ», еще и так мы звали нашу Ханю.

Прошло два года. Нам с мужем и сыном пришлось на время уехать в далекий северный город, а дочка осталась дома с домоправительницей и кошкой Ханей.

На новом месте сыну-подростку поначалу было скучно без друзей и знакомых, и мы с мужем, желая его как-то развлечь, решили взять в дом котенка. Об этом намерении муж рассказал коллегам по работе, и выяснилось, что у одного сотрудника с месяц назад окотилась кошка, и они как раз собираются раздать котят. Муж подчеркнул, что нам нужна непременно кошка, потому как, заводя в доме животное, мы твердо знаем, что потом ее не бросим, а увезем с собой, к уже имеющейся кошке Хане.

И вот в нашем новом доме появился чудесный белый котенок, мы его называли «Ксюшей», зная, что звук «кс» — наиболее приятен для кошачьего слуха. Я котенка очень полюбила. Ласковый и певучий, как белое облачко, он часто возлежал у меня на груди, перебирая лапками. И каково же было мое огорчение, когда спустя месяц я обнаружила в нем признаки мужского пола! Пришлось срочно звонить его прежним хозяевам и просить их поменять кота на кошку. Они мне ответили, что все котята уже розданы, осталась только кошечка тигровой масти. Я, скрепя сердце, согласилась.

Наш сын принял новенькую так, как будто

именно о такой мечтал с самого начала, мужу кошечка тоже сразу понравилась, а я долго не могла ее полюбить, уж слишком сильно она отличалась от прежнего котенка.

Новая Ксюша была крупнее белого котенка, этакий пестрый комочек шерсти со стоящим дыбом пушистым хвостом, она бродила по квартире и жалобно мяукала, как сирота. И разумной оказалась: ни разу с первого дня «не промахнулась», о намерении посетить поставленный для нее в ванной поддон всякий раз нас громко оповещала. Попривыкнув, Ксюша перестала жаловаться и искать кошку-мать, мы стали ее приемными родителями. У нее обнаружился твердый независимый характер. Погладить Ксюшу можно было не более трех раз кряду и то лишь тогда, когда она пребывала в хорошем расположении духа, на четвертый - кошка прижимала уши, шипела, кусалась и царапалась. Никакой дрессировке Ксюша не поддавалась, невозможно было подчинить ее своей воле, наказания на нее не действовали, с нею можно было только дружить. Особенно она не любила когда я махала на нее рукой или щелкала пальцами перед ее мордочкой, эти действия видимо

оскорбляли ее самолюбие и, Ксюша бросалась в бой. В общем, сложилась ситуация, хоть табличку вешай: «Осторожно! В доме злая кошка!» Я с досады называла ее и «Дичью», и «Чукчей», и «Кусачкой», и «Шипучкой», и часто вспоминала доброго белого котенка.

Находясь вместе с Ксюшкой больше прочих, я все же чувствовала неловкость за свою нелюбовь к маленькой кошечке. Однажды я покрасила Ксюшку хной - и сама пожалела о содеянном: ее пегая на брюшке шерстка превратилась в вульгарно-рыжую. А кошка эту процедуру вынесла спокойно; с одной стороны крайне независимая, она позволяла себя купать и вообще любила воду. Бывало, только откроешь кран в ванной, а она тут как тут: ловит язычком бегущую струю. В еде она была консервативна: ей понравился сухой кошачий корм, который можно было разнообразить кусочком нежирного мяса или печени. Любимым же лакомством был минтай. Она привыкла получать кусочек рыбы по утрам. Будучи не в силах выносить вопли голодной кошки, я, с утра бывало, несмотря на мороз, спешила на рынок за рыбой. Ела Ксюша мало и росла

медленно. Со временем ее характер стал мягче, она с удовольствием играла, высоко подпрыгивала, как акробатка, на взмах руки, в общем, почувствовала себя хозяйкой в доме. «Любопытная Варвара» по ночам открывала дверцы столов и шкафа и выгребала оттуда все, что могла достать. Заслышав шаги в коридоре, кидалась к двери, как собака. Нам приходилось прятать от Ксюшки меховые шапки: добравшись до них, она их лизала. Чтобы заменить шапки, мы купили ей игрушку — мужичка с намертво приклеенными к деревянной голове рьжими патлами, и она его часто с удовольствием трепала.

Временами я побаивалась своей дикарки. Если к нам кто-нибудь приходил, и я с гостями громко говорила, кошка сильно возбуждалась: мяуча, на меня кидалась и кусалась, подчас до крови. Особенно кошка не любила, когда я с кем-то разговаривала по телефону: она становилась чистым зверем, с ревом на меня набрасывалась, пытаясь укусить руку с трубкой. Я от нее отмахивалась, она снова нападала, а потом пряталась. Но все же с кошкой мне было не так скучно, когда я оставалась одна дома. Я с нею говорила, как с разумным существом, и

мне казалось, что она все понимает, к тому же, о ней нужно было заботиться...

К хозяину дома Ксюша всегда относилась почтительно и нежно, любила посидеть у него на коленях, полежать на его теплом животе. И он к ней ровно относился, жалел маленькую кошечку, которая так и не стала большой.

Помню, зашла ко мне приятельница и, увидев Ксюшку, пошутила: «У вас пополнение семейства?» - «Да, уже давно, — ответила я, — но мне никак не удастся забыть прежнего котенка, а эту кошку полюбить!» «А почему же ее не полюбить? Ты посмотри, какая она хорошенькая, как великолепно ее раскрасила природа: спинка-то у нее черная, брюшко рыжее, бока и лапки в полосочку, хвостик как веер, на грудке — шалочка, а на ушах — кисточки!» Я взглянула на Ксюшку, и - о, чудо! — впервые заметила, как хороша моя кошечка! И стала она у меня с тех пор «Красоткой» и «Бархоткой», «Лизуньей» и «Певуньей»!

Мы с Ксюшкой подружились. Она меня признала тоже. Бывало, поест, поспит и идет ко мне, мяуча: погладьте свою кошечку, ей хочется немножко ласки! Спать стала со

мной, иной раз проснусь ночью, оттого что Ксюшка по мне топчется или во сне храпит! Попробовала не пускать ее к себе в спальню, так она начнет так жалобно мяукать и барабанить в дверь лапками, что сжалишься над ней ипустишь.

Наши настроения часто не совпадали, и я об этом всегда помнила. Как-то в темноте спальни, почти засыпая, я, протянула руку, чтобы погладить мою кошку, а она в меня вцепилась зубами. Я тотчас Ксюшку сбросила на пол и выгнала, а кошка ночь напролет орала дурным голосом под дверью и сон мой прогоняла. Если же я надолго уходила, кошка, наскучавшись, радостно меня встречала и ласкалась. Когда в квартире бывало холодно, Ксюшка залезала мне под юбку или под покрывало на кровати. Со «страстями», временами одолевавшими ее, мы справлялись с помощью пилюль.

Спустя два года, в конце лета, я собралась в отпуск, к маме, и упросила подругу взять мою кошечку к себе на время. Сын в это время уже учился в институте и с нами не жил. По возвращении из поездки я узнала что, моя Ксюша, оказавшись в квартире моей подруги, трое суток просидела под кро-

вацию, не ела, не пила, при приближении ее рычала, а в дальнейшем вела себя так: поест, попьет, управится с «делами» и снова забудется в темный угол...

Когда я, наконец, пришла за своей кошкой и с порога позвала ее, моя дикарка с жалобным мяуканьем из-под кровати вылезла, подбежала ко мне, встала на задние лапки, а передние вытянула кверху, моим рукам навстречу, да так сильно потянулась, что все ее маленькое тельце задрожало. Так с тех пор она и просится на руки.

Я несла Ксюшу домой в сумке, только голова торчала снаружи, и всю дорогу ее било крупной дрожью.

В тот раз я привезла в подарок кошке специальный туалет с поддоном. Но Ксюше он не понравился, и с того начались наши проблемы. Вообще после жизни «на чужбине» кошка стала жалкой и подавленной. Я состригла с ее брюшка колтуны и помыла мою «Теплушку». Шли дни. Ксюшка бунтовала против нового туалета. Сходила раз не туда, я ее наказала. Кошонка моя впала в депрессию, стала ко всему безучастной.

Тут, как на грех, некстати, зашла моя подруга со своей собакой и позвала меня погу-

лять по первому снегу. И кой черт меня попутал взять с собою кошку и там, на улице, выпустить ее с рук, на снег! Она вся затряслась, прижалась к моим ногам, а я не сразу догадалась взять ее на руки и спрятать под куртку! Спустя дня три-четыре после той прогулки моя кошка как-то потускнела. Я не придавала этому значения, думала, пройдет денек-другой, авось, обойдется, но нет — не обошлось... Моя четвероногая подружка заболела!

Все началось с того, что Ксюша не пришла к нам с мужем в спальню ночевать, а утром бегала за мной и жаловалась, как маленький больной ребенок, потом стала приволакивать заднюю лапку. Я кинулась с нею в ветеринарную лечебницу. Там парни-практиканты отнесли к недугу кошки без особого внимания, велели сделать ей клизму, от которой Ксюшке не стало легче. Разозлившись, я вновь приехала в лечебницу и сказала, что плачу им деньги и желаю видеть свою кошку бодрой и здоровой. Ей там, на месте, сделали два укола и прописали нужные лекарства для дальнейшего лечения. И началась борьба за жизнь кошки. Я чувствовала себя виноватой в ее недуге.

Ксюша моя была очень плоха. Потускнели ее яркие желтые глаза. Шерстка, прежде мягкая и блестящая, поблекла и свалялась, тельце стало деревянным. Она забивалась на чуть теплую батарею и лежала там, как полосатая тряпка. Я делала все по предписанию врачей и молилась, чтобы моя кошка выжила. Мне не хотелось идти на улицу и долбить мерзлую землю для ее могилки. Мне не хотелось оставаться одной в доме во время командировок мужа! И я снимала мою бедную Ксюшку с батареи и методично проводила с ней процедуры, делала уколы. Мне так хотелось, чтобы моей кошке хватило сил хотя бы на сутки — двое, а там возможно, уже действуют лекарства!

Ночь прошла беспокойно. Я не могла спать, периодически вставала, шла в гостиную и проверяла, жива ли моя маленькая кошка, лежащая как плеть на почти холодной батарее.

Утром муж, видя, как я нервничаю, сказал мне: «Может, хватит мучить животное? Дай ей спокойно умереть!» «Как бы не так, — ответила я, — не уступлю смерти мою подружку!»

Среди ночи я услышала, как моя кошечка

мяукает, пошла в гостиную и, увидев Ксюшу, сидящей на диване, поняла: ей полегчало! Я отнесла кошку в спальню, уложила на кровать, под одеяло и кое-как сама уснула. Утром Ксюша в первый раз за последние дни поела свой любимый минтай, попила воды, а я смогла заняться домашними делами, но особо не расслаблялась, потому что до окончательного выздоровления кошки было еще далеко.

На дом приходил ветврач, делал Ксюшке уколы, а я - массаж, чтобы заработали системы очищения организма. Кошка потихоньку начала передвигаться, приволакивая задние лапки, я пичкала ее витаминами, лекарствами, и понемногу болезнь стала отпускать. Усилия мои не пропали даром, но я сделала вывод: лучше, когда животное лечит врач. Моя правая рука, которой я сначала делала Ксюшке уколы, еще долго оставалась для нее врагом, при каждом удобном случае она ее кусала. Но все же после пережитого мы с кошкой как бы породнились. Мой маленький домашний ангел стал лечить меня своим теплом. У нас с Ксюшей установилась душевная связь: если мне бывало плохо, я плакала, кошка сразу прибе-

гала ко мне, тыкалась носом, жалела, как будто ощущала мою боль!

Вскоре подошло к концу наше пребывание на Севере, и мы с мужем стали собираться домой. Я оформила кошке дорожный документ, и мы с ней отправились в путь на поезде. Всю дальнюю дорогу Ксюша вела себя вполне прилично, почти не сходила с рук, только к концу поездки стала осторожно выглядывать из купе в коридор вагона.

Ехала я и думала: как Ксюшка с Ханькой уживутся? И оказалось, волновалась не зря.

Как только я внесла Ксюшу в квартиру и спустила ее на пол, к ней подошла дружелюбно настроенная Ханя. Хозяйке хотелось понюхаться с гостьей. У Ксюши прошла «волна» по коже, она выгнула спину, зашипела и ударила Ханю по морде.

С этого и началось противостояние кошек. К Ксюшке вернулась ее агрессивность. Она принялась азартно охотиться за Ханей, утверждаться в новом доме. Ксюшка выживала Ханю, не давала ей покоя: входила на ее территорию, устраивалась на ее месте. Ханюше приходилось туго. Спокойная и добродушная, она вынуждена была держаться в

укромных уголках и особо не высовываться.

Взыскивать к совести Ксюшки было бесполезно, я знала наперед: она будет смотреть честными глазами, но делать свое «черное дело»: открывать дверцы шкафа, объедать мое любимое растение; и будет стоять на своем до конца.

Когда Ханя, вконец, отчаявшись, предпринимала ответные действия против Ксюшки, та как будто бы сдавалась, брякалась на бок, но стоило только Хане отвернуться от нее, как Ксюшка вновь атаковала!

Мне было жаль красавицу Ханюшу. Когда я ее гладила, она демонстративно сразу начинала вылизываться — чистить свою шерстку; ведь я для нее стала предателем, раз привела в дом другую кошку. А Ксюшка, увидев рядом со мной Ханю, тут же прибежала и просилась ко мне на руки. Я боялась оставлять кошек без присмотра, опасаясь, что они выцарапают друг другу глаза. Воспитанная Ханюша, как видно в знак протеста, стала «брызгать» на обувь в прихожей, и, естественно, это никому не понравилось.

Дочка моя, любя свою кошку, тяжело переживала создавшуюся ситуацию; она по-

началу кричала на Ксюшку, махала на нее полотенцем, та обижалась и дичилась ее, но дочь не смогла долго оставаться равнодушной к Ксюшке — уж очень эта маленькая хищница была непосредственна и красива!

У Хани с течением времени характер сильно изменился, от постоянного стресса она остервенела и стала все чаще загонять свою противницу в угол. Подобное положение не лучшим образом сказалось на обеих кошках: психика их страдала, они стали дергаться во сне, неожиданно соскакивать с дивана на пол.

Бесконечная война кошек всех нас тоже сильно утомила. Стали думать: что же делать? Нам помогли родные, порекомендовав Ханю одной из своих добрых знакомых, предпочитающей именно эту породу кошек. Таким образом, наш тугой семейный узел благополучно развязался. Хане, по слухам, хорошо живет у новой любящей хозяйки.

Ксюша успокоилась, поправилась, носит свой пышный хвост достойно, не озираясь тревожно по сторонам. Она вносит в дом свою лепту добра, тепла и уюта. Я очень рада, что в моем доме живет кошка. Никто не

встречает меня каждое утро с такой радостью, как она. Ее бескорыстная привязанность смягчает мою душу. Теперь я не представляю свою жизнь без кошки!

МУЖ СВОЕЙ ЖЕНЫ

Много разных строк написано о любви, а я вспоминаю рассказ одной молодой прекрасной женщины об испытанном ею когда-то чувстве, скорей похожем на недуг, от которого она долго не могла избавиться...

Все началось с того, что в ее благополучном счастливом доме появился новый человек — приятель их общих друзей, приехавший из другого города и рассчитывающий здесь на поддержку. Он устроился в общепитии и, не будучи обремененным семьей, в свободное от работы время начал часто навещать к молодым супругам, стараясь стать своим человеком в их доме. И ему это удалось.... Пользуясь занятостью мужа по службе, в его отсутствие ухаживал за хозяйкой дома, делал комплименты, дарил ей небольшие подарки. Был предупредителен и даже нежен, часто звонил по телефо-

ну, чтобы узнать новости и настроение, расспрашивал, что ей снится... Он восхищался ее талантами и красотой и как бы в шутку говорил, что сам мечтает о такой женщине, как она...

— Ну, что вы, — смущалась она, — я ведь, как «ватрушка»!

— А мне не нравятся женщины, зажигающиеся, как спички, — смеялся он.

А муж, занятый делами и командировками, сквозь пальцы смотрел на эту дружбу, своей жене доверял...

Прошло немного времени, и молодая женщина заметила, что новый друг слишком подолгу на нее засматривается, а во взгляде его появился нездоровый огонек, но она не придавала этому особого значения... Заметила это и подруга.

— Смотри, — старалась она предостеречь, — это может далеко зайти...

— Я контролирую ситуацию, — заверила ее молодая женщина, — мне нравится внимание нашего друга, но когда я решу, что этого довольно, то сумею все остановить!

Прошло с полгода. Они ненадолго расстались. Моя знакомая уехала на две недели в санаторий, находящийся недалеко от го-

рода. В первые же дни ощутив сильнейшую тоску от разлуки с другом, поняла, что незаметно попала под его влияние. Он ей стал совершенно необходим, дорог, она попала в любовные сети... Ей хотелось слышать его голос, ощущать пожатия горячих рук, и от сознания, что это случится нескоро, на глаза ее наворачивались слезы! Память же о долге, она ругала себя за слабость и давала слово измениться...

Когда же спустя несколько дней, гуляя в парке, она услышала призывный клич друга, который приехал навестить ее по просьбе вечно занятого мужа, ноги сами понесли туда, где она увидела любимого, встречавшего ее радостным смехом! Они в безумном восторге сцепили руки через прутья решетки, и бежали — каждый со своей стороны — к воротам навстречу друг другу.

Он рассказал о том, что без нее ему было невыразимо скучно, и поэтому он приехал...

— Было бы лучше, если бы ты вообще не появлялся в моей жизни! — воскликнула она, провожая его до станции. Там, возле поезда, было полно народу, но они видели только друг друга...

— Когда мы будем вместе? — спросил он,

вкладывая в эти слова тайный, но понятный им обоим смысл.

— Скоро, — ответила она, и губы их слились в горячем поцелуе.

В смятении она вернулась в санаторий. Волны жара окатывали ее тело, и сердце стучало неровно... К ночи нахлынули грустные раздумья о своей судьбе и о судьбе близких. Горько плача, она молила Бога дать ей силы превозмочь это сильное чувство, но желание видеть и чувствовать друга терзало ее. С замиранием сердца она думала о возвращении домой, зная, что не сможет во всем признаться своему на редкость доброму и великодушному мужу...

Наутро, собравшись с силами, она позвонила другу и сказала, что накануне была невменяемой и просит его посмотреть на нее, как на больную, которая может выздороветь, потому что судьба ее, хорошо это или плохо, уже сложилась... Друг на это ей ничего не ответил.

Когда молодая женщина вернулась домой и увидела поджидающего ее мужа и друга, то не смогла собой владеть. Ей хотелось петь и танцевать, чем она напугала и привела в недоумение обоих мужчин... Ее

тянуло к другу... А тот шарахался от нее, совершенно ясно понимая, что в сложившейся ситуации не приходится рассчитывать на легкую интрижку... Опасаясь, что все откроется, он оттолкнул ее, заявив, что не видит в ней женщину, а только мать, сестру, подругу.

— Ты плохая актриса, — сказал он ей позже, — по твоему лицу все видно в шесть секунд!

Молодая женщина просила его покинуть их дом, но он возражал: ведь можно остаться просто добрыми друзьями... Она, наивная, согласилась и превратила свою жизнь в ад.

Как прежде, друг приезжал в дом. С подругой был то нежен, то резок, то дразнил ее рассказами о других девушках, у которых якобы имел успех... Она хотела быть равнодушной и не могла. Так продолжалось довольно долго. Она выглядела грустной, даже больной. Снова пыталась запретить другу приходить к ним, но робко, со слезами:

— Я не из железа и не из камня, — жаловалась она, — я не могу так больше жить!

— Но ведь когда ты меня видишь, ты спокойна?! Нам надо быть почаще вместе! —

«утешал» ее друг.

Между тем молодая женщина жила, как в тумане. Ложась спать, она невольно складывала руки на груди, как складывают покойным... Ей хотелось уснуть и проснуться обновленной, но во сне она катилась вниз с крутой горы, разбивалась, упав с уступа, упиралась в тупик в длинном запутанном лабиринте... Разум ее, казалось, помутился: смысл слов друга, звонившего по телефону, не сразу доходить до ее сознания, приходилось сначала записывать разговор, и лишь потом - осмысливать...

Подруга всерьез беспокоилась, что так и с ума сойти можно:

— Признайся ты во всем мужу, — советовала она, — ведь ваш приятель — клоун!

— Нет, — твердила молодая женщина, — я сама справлюсь.

— Так хотя бы представляй его в каких-нибудь мерзких образах, — посоветовала подруга.

Тем временем друг все свое внимание перенес с жены на мужа, весьма полезного для жизни человека... Привел в дом знакомую девушку, которую пришлось потчевать пирогами, советуя, не блюсти так строго талию...

Молодая женщина пыталась помешать крепнувшей дружбе мужчин, но у нее плохо получалось.... Она не подзывала мужа к телефону, не разрешала другу появляться у них, но, он приезжал без приглашений...

— Тебя не узнать! — не то сожалел, не то хвалил он. — Ты сильно похудела! Хорошая фигура — большое дело! А мне нравится так: берешь женщину в руки - маешь вещь! Друзья говорят, что я могу идти по головам, - ты не находишь?

— На тебя похоже, ты — жестокий человек! Оставь меня в покое, — в который раз попросила она.

— Нет, я без тебя пока что не могу. В твоём лице я отомщу всем лживым женщинам сразу!

Душевное состояние молодой женщины все больше ухудшалось. Она словно надела на лицо скорбную маску. Наконец она поняла, что если не прервет эти странные отношения, то либо умрет, либо действительно сойдет с ума...

Тут еще большое горе постучало в дверь: скоропостижно скончался ее близкий, родной человек. Невыразимо страдая, молодая женщина вдруг другими глазами

посмотрела на свою жизнь и твердо решила ее изменить...

Как-то в один из дней, вскоре после похорон, она была дома и безутешно горевала. Муж, как мог, успокаивал свою бедную жену. Вдруг в прихожей раздался звонок. Пришел их друг. Увидев хозяйку дома в черном платье, спросил, что случилось. Муж объяснил, и мужчины пошли в гостиную посидеть за шахматной доской...

Молодая женщина в тоске бродила по квартире и вдруг наткнулась в прихожей на чужую книжку, лежащую на тумбочке, и машинально начала ее листать. Из книжки выпал распечатанный конверт, как оказалось, письмо подружки к ее другу. Любопытство взяло верх, и она, дрожа всем телом, прочла это письмо. Оказалось, что ее друга и ту девушку связывают давние интимные отношения, более того, она — беременна и рассчитывает выйти за него замуж...

Молодая женщина была потрясена вероломством друга. Положив письмо и книгу на место, она, задыхаясь, долго металась по квартире. Немного придя в себя, стараясь выглядеть спокойной, она попросила супруга помочь по хозяйству, а сама напра-

вилась в гостиную, к псевдо-другу. Задержавшись на несколько секунд в дверях, подумала: «Вот подлый человек, который любил меня, а может быть, только желал... Устроив свою жизнь, он продолжает разрушать мою...»

За окном уже стустились сумерки, но еще нигде не зажигали свет.

Подойдя к «другу», развалившемся в просторном кресле, она холодно и удивленно спросила:

— Что ты здесь делаешь?

— Сижу, отдыхаю, — ответил он.

— А я думаю, что тебе самое время встать и уйти отсюда навсегда! — отчеканила она.

— Кто этого хочет, — спросил он, — ты или твой муж?

— Я этого хочу, и именно так будет! — твердо сказала она.

Друг встал и начал собираться, но, уходя, попросил мужа проводить его до остановки... Громко хлопнула дверь в прихожей, гулко отозвавшись в ее измученном сердце...

Прямо за дверью друг заявил мужу, что хозяйка буквально выгнала его из дома, и он ума не приложит за что: ничего не сде-

лал плохого, ни в чем не виноват...

- Мне кажется, у нее с психикой не все в порядке, - заключил обиженный гость...

Муж был сильно озадачен... Не решаясь подступиться с расспросами жене, - та выглядела совершенно больной, - он обратился к ее подруге с просьбой помочь разобраться, что происходит в его доме.

— Тот молодой приятель, что крутился возле вашей семьи, твою жену пытался «сбить с толку», да у него ничего не получилось, — не стала темнить подруга. — А от себя лично добавлю, что таких друзей, как этот вертопрах, ты при желании тысячу найдешь, меж тем как жена у тебя — одна...

Они договорились, что следует предпринять, чтобы вытащить бедняжку из депрессии, в которую та впала по молодости и глупости. И у них все получилось. Молодая женщина постепенно стала приходить в себя. Глотая горькие пилюли, вспоминала все случившееся с нею... Так мучительно и медленно она исцелялась от тяжкого недуга, сознавая необходимость беречь свой покой ради мира и покоя своей семьи...

Спустя некоторое время, в отсутствие жены, к мужу пришел его бывший приятель,

чтобы вручить приглашение на свадьбу...

— Зачем ты сюда пришел, — спросил его муж, — ведь моя жена не хочет тебя видеть!

— А ты, дружище?

— А я — муж своей жены, — ответил хозяин дома и закрыл перед незванным гостем дверь...

МУЗЫКАЛЬНАЯ ШКАТУЛКА

Если бы кто-то сказал Вере, что с нею может такое произойти, она бы не поверила. Казалось бы, у нее есть опыт в личной жизни, побывала замужем, сама девушка не глупая, образованная, красивая, имеет соответствующий круг знакомых, что называется «из оранжереи»... Тут уместно вспомнить русскую поговорку, в которой говорится, что «и на старуху бывает проруха»...

Все началось с того, что Вера, поменяв место работы, стала заглядывать по дороге домой в новый частный музыкальный магазин. Там всегда были в наличии последние новинки музыкальной и видео продукции, за которыми Вера тщательно следила и с удовольствием пополняла свою домашнюю коллекцию. С некоторых пор за прилавком магазина появился симпатичный молодой человек, ее ровесник, который при виде Ве-

ры готов был вывернуться на изнанку, стремясь ей угодить. Со временем Вера заметила, что он не для всех так старается, и это льстило ее женскому самолюбию. Она была, что называется, «девушкой из высшего общества» и обычно не обращала внимания на людей, обслуживающих ее. Но постепенно Вера поняла, что молодой человек весьма развит интеллектуально, свободно владеет английским языком, легко ориентируется в музыкальной культуре. А когда молодые люди, наконец, разговорились, то выяснилось, что он окончил музыкальную школу, университет и серьезно занимался спортом, отчего фигура его стала атлетической. Вот только не москвич он, приехал из одной из южных республик когда-то единого Союза подработать в магазине дальнего родственника, время от времени появляющегося в торговом зале из недр служебных помещений. Заприметив платежеспособную постоянную клиентку магазина, и сам хозяин стал тоже ей свое внимание расточать... Вере забавно было наблюдать, как пожилой человек не уступал в ухаживаниях молодому.

Жизнь Веры до тех событий трудно было

назвать скучной: друзья и знакомые окружали ее и дома и на престижной, хорошо оплачиваемой работе. Она бывала за границей, в молодежных клубах, на дружеских вечеринках. С огромной радостью навещала родителей в их большом загородном доме и с удовольствием возвращалась в свою небольшую, но уютную квартирку. После неудачного брака с инфантильным мужчиной Вера не спешила вновь создать семью, и не потому, что не хотела, а просто по-настоящему не влюблялась. После развода у нее уже было несколько легких, красивых, но непродолжительных романов с весьма приличными молодыми людьми, так и не задевших глубоко ее сердца, как, впрочем, и первый, студенческий, приведший к браку.

Вера старалась держаться старых проверенных друзей, а новым не давала свои координаты, оставляя за собой право внезапно исчезнуть.

Заботливая мама при каждой встрече закармливала склонную к полноте дочку, запрещала покупать машину и вслух мечтала снова выдать замуж, чтобы понянчить внуков.

Когда подошла к концу слякотная моско-

вская зима и наступили теплые деньки, Вера стала чаще заходить в любимый музыкальный магазин. Этому способствовало приподнятое весеннее настроение.

Молодой человек, по имени Армен, при виде Веры явно оживлялся, блистал остроумием, с его лица не сходила белозубая улыбка. Он неизменно сообщал девушке, что ждал ее прихода и огорчился, если она проходила мимо. И постепенно это стало Веру трогать. Она задерживалась подолгу у прилавка, ей стало приятно общение с Арменом, льстило, что красивый парень так явно на нее заглядывается, не отвлекаясь на других хорошеньких девушек. Незаметно молодые люди перешли на ты.

Иногда Армен рассказывал Вере о своих проблемах:

— Сюда, случается, заходят земляки и набирают себе видеокассет бесплатно...

— Почему? — удивилась Вера.

— Считают, что я им должен, раз у меня столько товара...

— Так он же не твой! Какая пошлость!

— Увы...

В другой раз он рассказал о трудностях отправки денег любимой маме. Веру, забот-

ливаю дочь, трогало подобное отношение сына к матери. Однажды, как бы вскользь, Армен поинтересовался, замужем ли Вера. Она парировала: «У любопытного есть документ, удостоверяющий личность?» — «А ты, однако, не простая!» — ответил Армен и показал ей «чистый» паспорт.

Однажды Армен предложил Вере встретиться после работы в кафе неподалеку от магазина. Звучала приятная музыка, и Армен пригласил Веру на танец. «Он применится ко мне», — мелькнуло в ее голове. Она уже испытывала влечение к нему и то, что они будут вместе не вызывало у нее сомнений.

Следующим шагом к сближению стал их совместный поход в парк, где оба, меряя дорожки, искали поукромнее скамейку, на которую можно было сесть и целоваться. Они ушли из парка, когда совсем стемнело с желанием обладать друг другом.

На следующий день, когда Вера заглянула к Армену, он попросил ее зайти в подсобку, там страстно целовал и повторял: «Что же нам с тобой делать?! Надо где-нибудь встретиться. Ко мне нельзя. Может, на первый случай в квартире твоей подруги?» — «Я

подумаю об этом», — ответила Вера, хотя ей было стыдно заниматься мужским по ее мнению делом. Но в голове у нее уже был сплошной туман... Постепенно Армен проник в ее мысли и чувства, но что-то ей подсказывало, что еще не время раскрываться перед ним до конца.

Не откладывая решения вопроса, Вера позвонила своей подруге, с которой дружила со студенческих времен, и обратилась к ней с необычной просьбой... Договорились, что когда Вера придет к ней с Арменом, та уйдет из дома на некоторое время погулять с собакой.

В условленном месте влюбленные встретились. Армен пришел на свидание нарядный, с букетом алых роз.

— Кто эта твоя Катя?

— Хороший человек. Была, как и я, недолго замужем, теперь свободна. Немного легкомысленная, но верная подруга.

Придя к Кате, Вера представила ей Армена, и все вместе, устроились на кухне отметить новое знакомство. Армен достал из пакета конфеты и шампанское, а Катя извлекла из холодильника нехитрую закуску и они славно посидели втроем. Правда, Вера заме-

тила, что, когда нужно было достать из шкафа вазу для цветов, хозяйка дома встала на стул, как бы заодно демонстрируя гостям свою точеную фигурку. Был и другой неприятный для Веры момент, когда Катя успела шепнуть подруге: «А твой знакомый — классный!», чем вызвала у Веры ревность... Всем от вина стало немного жарко, и Вера достала из сумочки театральный веер...

Наконец-то Катя убралась из квартиры, прихватив с собой ленивую белую болонку. Оставшись одни, молодые люди повернулись лицом друг к другу, на время позабыв обо всем на свете... Уходя после свидания, они закрыли дверь квартиры на ключ, положили его под коврик и, держась за руки, удалились. По дороге Армен спросил у Веры, понравилась ли ей встреча, отвечает ли он ее пожеланиям в интимных отношениях. Она ему ответила, что он ей крайне был приятен, но в некоторых моментах непонятен, но это, видимо, следствие того, что они еще мало знают и не научились чувствовать друг друга...

Армен проводил Веру до остановки, посадил в такси, а сам сказал, что предпочитает ехать на метро...

На следующий день, в воскресенье, Вера позвонила Кате и сказала, что такой влюбленной давно себя не помнит.

— Ты у меня забыла веер — мрачно сообщила Катя.

— Возьму при встрече.

— Его нет у меня.

— Так, где же он?

— Надеюсь, ты сидишь, Веруня? А то советую присесть. Он у Армена. Ты представляешь, после того как вы простились, он ко мне вернулся!

— Зачем? — У Веры перехватило дыхание.

— Сказал, что якобы свои часы забыл на кухне, но я его в квартиру непустила, объяснив, что не одна, а веер я ему все-таки всучила, и он ушел несолоно хлебавши.

Что было с Верой — трудно передать словами. В какой пучине горечи ее душа металась и горела! Негодование и обида жгли ей сердце! Потом возникло сильное желание взглянуть в «правдивые» глаза Армена. Он в тот день работал. Вера оделась, причесалась и в самой лучшем виде поехала к нему. Вошла, спросила:

— Где мой веер?

— Вот он. — Армен закрыл входную дверь на ключ и увел Веру в подсобку.

— А как он оказался у тебя? Что скажешь?

— Да я за часами к Кате возвращался... — начал было оправдываться он.

— При нашем расставании я видела эти часы у тебя на руке! Зачем ты лжешь? Тебе чего-то было мало?

— Нет, все было хорошо, просто чудесно! Наверно, бес попутал. Прости меня! — Армен едва не плакал.

— И на колени встанешь? — вопрошала Вера.

— Нет, здесь грязно!

— Можно почистить брюки, не велика потеря!

— Нет, я не встану, это дико!

— Ну, что ж, прощай!

— Ты больше не заглянешь?

— Сейчас я не могу сказать. Открой мне дверь, я выйду!

И девушка ушла.

Вернувшись домой, Вера позвонила Кате:

— Ну вот, мой веер у меня. А как мое здоровье — не знаю. Напрасно я ему доверилась, коль так просто он может двух партнерш сменить за вечер. У меня подобный

случай крайне редкий, а ты мужчин меняешь как перчатки — не боишься заразиться?

— Я тоже думала об этом. Давай, подруга, на следующей неделе съездим в одно укромное местечко, где быстро, дешево, и надежно проверят наше бесценное здоровье!

Так подруги и поступили. Вера вполне здоровой оказалась, у Кати обнаружили проблемы...

Вера долго была зла на Армена, хотя результаты обследования ее немного успокоили. Ей захотелось как-то на нем отыграться за перенесенные волнения и поднять на смех его пошлые порывы. Вера зашла к нему и сообщила о результатах обследования своих и Кати:

— Какой ты молодец заправский, искатель острых ощущений! Напрасно моя бедная подруга не снизошла к твоим желаниям! В другой раз, когда роман закрутишь, сразу говори партнерше: «Я за безопасный секс! Запомнил?»

Армен был так подавлен, жалок, так клялся ей в любви, божился, что никогда ей больше не изменит, что сердце Веры снова дрогнуло. Она вновь заходила к другу, вникала в его разные проблемы... И снова у них

состоялась встреча. Армен ее вымолил и сам все устроил. Он загодя дал Вере ключ от квартиры друга. Она ждала его там почти до ночи, радостно встретила, была готова не спать хоть до утра... Но Армен повел себя иначе. Насытив свою страсть, он заявил, что завтра его ждут важные дела и, отвернувшись, крепко заснул.

Присматриваясь к другу, Вера не могла избавиться от ощущения, что Армен ведет себя с ней словно по заданной программе: добиваясь взаимности, готов в лепешку расшибиться, а, добившись, ведет себя снисходительно...

Вера чувствовала, что ей необходимо все обдумать наедине с собой, привести в порядок свои мысли и чувства. Она попала в ситуацию, когда не могла собой гордиться. Она оформила внеочередной отпуск за свой счет. Перед отъездом позвонила другу и сообщила, что уезжает на некоторое время.

«Но ты ко мне вернешься?» — встревожился Армен.

«Возможно. А ты мне веришь?» — лукаво спросила она.

«Верю, Вера, и вспоминаю нашу послед-

ною встречу. Помнишь, было романтично...»

«Это когда он овладел мной стоя, не снимая брюк, на кухне», — с горечью вспомнила Вера...

Она уехала к дальним родственникам, в деревню. Там она искала и находила уединение, общение с природой удивительно очищало и успокаивало ее больную душу...

Здраво оценив ситуацию, в которой она оказалась, Вера решила сама поставить точку в этой глупой истории, а в будущем стараться не ловить на мелководье рыбу...

«Я достойна лучшей доли» — решила для себя Вера и, вернувшись в город, изменила свой маршрут от дома до работы.

НЕЗАБЫВАЕМАЯ ОБИДА

В одном городском учебном заведении, в котором готовили специалистов для труднодоступных районов нашей некогда необъятной державы, училась розовощекая девушка Саша, прозванная в группе «Сдобной булкой». Так сложилось, что три года назад, став студенткой, она сразу же была привлечена к общественной работе в комитете комсомола, которую выполняла с огоньком. На душе ее было легко и весело, пока не произошло одно событие...

Дело было поздней осенью. Саша пришла со своей группой в зал для занятий физкультурой и стояла в общей шеренге, ожидая команды преподавателя переодеваться. Алексей Павлович, бывший выпускник-спортсмен, дочь которого училась на том же курсе, что и Саша, проходя вдоль шеренги, вдруг остановился рядом с Сашей и гро-

могласно заявил:

— Сегодня буду с тебя жир стогнать! — и звонко шлепнул ее пониже спины.

У Саши округлились глаза:

— Алексей Палыч, вы что, дурак? — промолвила она.

— Что ты сказала?! — проревел учитель и, грубо схватив Сашу за плечи, повалил на маты и в бешенстве стал трясти ее и катать.

Саша отчаянно сопротивлялась, но мужчина был сильнее... Юбка Саши задралась почти до шеи, и девушка осознавала, что вся группа, включая мальчиков, созерцает ее теплые трико до колен, надетые поверх колготок, которые она носила, уступив угворам мамы, в холодную погоду...

Схватка продолжалась довольно долго, пока не выдохся Алексей Павлович. Саша, закусив до крови нижнюю пухленькую губку, поднялась с мата, ни на кого не глядя, одернула измятое и испачканное платье и выскочила из зала, забыв про свой портфель. За дверью она горько разрыдалась. Ее душили обида и негодование за перенесенное унижение. Она долго не могла успокоиться, и ей плохо удавалось скрывать слезы, когда мимо по коридору проходили ре-

бята из других групп, испуганно косясь на девушку.

Саша задумалась, кто же здесь мог бы за нее вступить, и припомнила, что их покой и всеми уважаемый директор на ежегодных новогодних балах всегда вручал ей второй подарок, видимо, поощряя за ее активность, и она поспешила в кабинет директора.

Секретарши на месте не оказалось, и девушка беспрепятственно прошла к директору. Он восседал за массивным дубовым столом и просматривал бумаги.

— Что у тебя? — едва взглянув на Сашу, спросил директор.

Содрогаясь от рыданий, девушка рассказала, что сегодня, в этих стенах, она подверглась оскорблению.

— Разберемся, — выслушав ее, недовольно сказал директор, — а теперь ступай на занятия.

Саша вышла из кабинета со слезами и уныло побрела по пустому коридору. У двери парторга, преподавателя истории, она остановилась и вспомнила, как на днях, на занятиях, он загадал ученикам загадку: «В море тонет корабль, груженный золотом и

алмазами. К нему подплывает шлюпка. И что же она будет спасать в первую очередь: людей, терпящих бедствие или ценности страны?»

Ребята загалдели. Сергей Иванович остановил их споры:

— Ну конечно, лодка спасет людей сначала, потому что жизнь и достоинство человека — самое дорогое сокровище в нашей социалистической державе!

Саша уверенно постучала в дверь, надеясь, что Сергей Иваныч поймет ее и защитит. Он внимательно выслушал ее горестный рассказ и вдруг громко воскликнул:

— Как же ты могла назвать своего преподавателя «дураком»?!

— Не знаю, — растерянно отвечала Саша, — так вырвалось!

— Надо себя держать в руках! Такая положительная девушка, как ты, должна подавать другим положительный пример! А как начнут все обзывать? Что дальше будет? Сейчас иди на занятия, а я об этом деле еще подумаю — сказал Сергей Иванович.

Саша направилась к аудитории, в которой должно было состояться следующее занятие, и туда как раз подошла вся ее группа.

Из нее отделились две девушки и без обиняков спросили Сашу, с чего это ей вздумалось «погнать волну» на душку Алексея Палыча, который временами шаловливый, зато всегда зачет ставит...

— Ты, что, особа голубых кровей или такой себя воображаешь? — они приперли Сашу к стенке. Но тут как нельзя кстати прозвенел звонок и освободил издерганную Сашу от ответа.

После окончания занятий Саша шла на остановку автобуса, смотрела себе под ноги и размышляла, кто же прав по совести в создавшейся ситуации. В ее голову приходила одна и та же мысль, которую она уже высказала и парторгу, и директору: «Настоящий учитель не посмеет так с ученицей обращаться! Катать по полу он может свою дочку дома, и то - если еще та позволит!»

День был испорчен безнадежно. У Саши страшно разболелась голова, а дома она ничего не сказала родителям, легла и проспала до вечера.

На следующий день после первой учебной пары часов Сашу вызвали в комитет комсомола. Там узнала новость: Алексей Павлович подал на нее заявление с прось-

бой разобрать ее «хамский» проступок. Саша была ошарашена. Она, наивная, в душе предполагала, что учитель, если не на людях, то с глазу на глаз перед нею извинится за вчерашний поступок. А ей на деле весьма доступно объяснили, что именно она позорит и себя, и учебное заведение, в котором учится, и славный комсомол своим бесстыдным поведением и, если тотчас не попросит у уважаемого физрука прощения, то ее отсюда выгонят с позором и соответствующей характеристикой, с которыми ее нигде не примут на учебу.

От возмущения у Саши даже округлились глаза. Осмотрев весь состав комитет комсомола, она остановила взгляд на преподавателе физкультуры, который, кривясь, наблюдал за ее реакцией.

— Вам это нужно, Алексей Павлович? — спросила Саша.

— Надо отвечать за свои проступки, — жестко ответил он, — я тут десятый год работаю и никто, кроме тебя, не посмел называть меня «дураком»!

Саша не могла смириться со своим повторным унижением, она заспорила, доказывая вынужденность своего поступка, чем

только разозлила всех присутствующих. Ее заставили просить прощения. Саша «автоматом» произнесла подсказанные фразы и сразу вышла с горьким чувством совершенного над собой насилия.

С того дня она забыла дорогу в Комитет. Ее еще несколько раз туда вызывали, стыдили за бездействие. Она, как деревянная, твердила, что крайне занята учебой и домашними делами, и от нее со временем отстали...

Саша надолго запомнила слова своей матери по поводу случившегося:

— Ты только девочка, которая нуждается в защите. В отчаянный момент тебя не поддержали ни руководство, ни товарищи по группе. Потом тобою захотят заткнуть очередную дырку. Судьбу испортят, хоть близко будет локоть — не укусишь! Рассчитывай реально только на семейную поддержку, а в остальном, в нашей стране, все только на словах, а не на деле...

И когда спустя полгода, в учебном заведении, где училась Саша, состоялось распределение специалистов, будучи, одной из первых учениц, по количеству баллов, отбросив прежние свои идеи о выполнении служеб-

ного долга где-то непременно на краю державы, свой выбор сделала в пользу местного управления и в нем осталась, приложив все силы, чтобы трудиться в родном городе и не менять привычный образ жизни, к великой радости своих родных и близких...

ПАДЕНИЕ КУМИРА

В тот день, направляясь к новому месту работы, Людмила жутко комплексовала по поводу своего наряда и прически. Оглядывая встречных женщин и невольно сравнивая их с собой, она немного успокоилась: недаром она раньше поработала в Доме моды — научилась стильно одеваться.

Потоптавшись у бюро пропусков роскошного административного здания в центре города, Люда решила позвонить и напомнить о себе, уточнить, заказан ли для нее пропуск. Телефон глухо молчал. Люда посмотрела на часы: десятый... Жаль, что она не спросила Арсения, в какое время начинается рабочий день в его фирме. Люда прислонилась к стене и стала вспоминать обстоятельства их последней встречи...

Был праздничный вечер в компании мужа, который, ведая организацией досуга,

пригласил Арсения, своего бывшего сослуживца, логично рассуждая, что набирающий популярность композитор может стать украшением компании. И правда: Арсений был в ударе и с видимым удовольствием сыграл несколько своих мелодий на синтезаторе, вызвав бурные аплодисменты...

За столиком с букетом из гвоздик Люда оказалась рядом с Арсением. Между ними возникли бурные дебаты о современной музыке и, в частности, об отечественной попсе, которую Люда не очень-то любила. Вдохновившись возникшей атмосферой доверия, после того как оба вспомнили о частых прежних встречах, Людмила решилась высказать Арсению свои замечания по поводу его творчества, за которым внимательно следила.

— Я должна тебя немного покритиковать, Арсений, — осторожно начала она, — твоя последняя песня не на уровне твоего таланта!

— Ох, ох, — Арсений картинно схватился за сердце, — только ты, как прежде, говоришь мне правду! Меня просто купили! — прошептал он ей на ухо и рассмеялся.

«Арсений все такой же непосредственный

и искренний, — подумала Людмила. — Вот для кого я бы выкладывалась без остатка!»

А Арсений как будто прочел ее мысли и спросил:

— А ты чем занимаешься?

— Ничем. Уволилась со скучной, без перспектив и радостей работы, ищу себя.

— Так, может, ты пойдешь ко мне? Я ведь создал коммерческую фирму, и мне нужны надежные люди, свои. Ты мне подходишь. Ты любишь музыку, по натуре организатор. Займешься кроме прочего пропагандой моего искусства. Ну, как, согласна?

— Договорились, — не раздумывая, согласилась Люда.

— Тогда запомни адрес, номер телефона и с понедельника жду тебя в офисе, — уже начальственным тоном изрек Арсений.

Под впечатлением от приятной встречи Людмила той ночью долго не могла заснуть, все строила планы успеха в новом деле. Но, видимо, нынче рановато приехала на новую работу..

Она решила, что, скорей всего, творческие люди начинают свой день позже, и отправилась погулять в центр. Увидев по дороге салон-парикмахерскую, решила сделать

какую-нибудь особенную прическу, но результат ей не понравился, и, выйдя из салона, она причесалась по-своему.

Попав, наконец, внутрь здания, разыскала нужный офис. Люда вошла, неуверенно присела на краешек стула рядом со столом Арсения и смущенно опустила свои карие яркие глаза. Спустя минуту решила посмотреть на Арсения и поймала на себе его подбадривающий взгляд.

— Денек, другой... — пролепетала тихо Люда и вновь потупилась...

В ее служебные обязанности входила работа по привлечению клиентов для оказания различных услуг, а также спонсоров для реализации программ; она должна была проводить первоначальные переговоры, вести деловую переписку, а также выполнять мелкие поручения шефа.

Штат фирмы состоял примерно из десяти человек. Среди молодых сотрудников особо выделялась Аня, имеющая заметное влияние на шефа. Девушка работала в этом здании еще до создания фирмы Арсения и, имея хорошие отношения с местным начальством, помогла Арсению получить здесь престижный и почти бесплатный офис.

К очаровательной Ане, никто не мог оставаться равнодушным, в том числе и Люда. Она старалась брать с Ани пример и быть ей в чем-нибудь полезной. Молодые женщины быстро подружились, и позже Анна окрестила в церкви дочь Людмилы...

Люда, стремилась отвечать требованиям шефа и, чтобы увереннее чувствовать себя в делах, сразу же после зачисления в штат фирмы поступила на вечерние курсы по бизнесу. Вникая в новое для себя дело, она наблюдала за всем, что происходило в фирме. Появлялись и исчезали люди, работающие по договору, проводились плановые мероприятия и те, что шли вне плана, по заказу.

Шеф неизменно появлялся в офисе к обеду, каждый день в разном «прикиде», ориентируя и сотрудников следовать его примеру. Обсудив с заместителем текущие дела и отдав необходимые распоряжения, он ходил на перекуры, по начальству, встречался с нужными людьми и разрешал свои проблемы. Большая часть его энергии была направлена на саморекламу и поддержание полезных связей. А творчеством он занимался мало, но ровно столько, чтобы его имя не забывалось...

Изредка Людмила, свободная от выездов по сделкам, готовила для них бумаги и ненароком слышала обрывки разговоров, которые ее, как правило, задевали. Обсуждая с каким-нибудь приятелем — музыкантом ту или иную молодую певицу, Арсений говорил примерно следующее: «Она девочка ничего, но одевается в г...о». И Люда осматривала свою одежду, не удостоится ли она подобной оценки шефа?!

Как-то Люда сидела с Аней в опустевшем офисе, открылась дверь, вошел Арсений и зычно поприветствовал их:

— Привет, б...щи!

Кровь бросилась Люде в лицо:

— Ты что, Арсений, спятил?

— А что, разве это не так? Очень жаль, а впрочем, извините!

Аня при этом глазом не моргнула. Люда стала присматриваться к их отношениям, и они показались ей не только деловыми. Арсений часто подвозил Аню до дома, по крайней мере, они вместе покидали офис и ездили вдвоем в командировки. Люда недоумевала, отчего в поездках Арсения не сопровождает его жена, милейшая особа, и муж Ани свою жену спокойно отпускает. Как-то

Арсений с томной задумчивостью спросил у Люды:

— А, правда, ведь Аня — красивая женщина?

— Да, да, конечно, — согласилась Люда.

Ей стала ясна суть их отношений. И если Аня не посвящала в свои тайны Люду, значит, ей было так удобно. Люда это принимала, и все равно считала себя ее подругой....

Аня обычно появлялась на работе позже всех, иногда совсем не приходила. Шеф всегда готов был ее прикрыть перед другими сотрудниками фирмы, у которых, впрочем, не возникало по этому поводу вопросов. Аня была как лучик солнца на темном небосводе, ее все искренне любили. Время от времени, как будто в извинение, Аня рассказывала, что в очередной раз обнаружила в кармане мужа «резиновый предохранитель», и погрозила ему пальцем... Ей все сочувствовали, и Люда тоже. Аня, как могла, берегла мир в своей семье. Она была в высшей степени заботливой и любящей матерью своему сынишке... На работе Аня в меру своих сил, как рыба-лоцман, следовала интересам шефа, сопровождала его на деловые встречи и музыкальные «тусовки». Когда она случайно не могла или не хотела

идти, Арсений звал с собой Людмилу, которая всегда была готова вблизи увидеть жизнь «богема». А там иногда разыгрывались весьма любопытные представления.

Однажды Люда наблюдала такую сцену: к мэтру отечественной эстрады подошла известная певица и, фамильярно похлопав его по плечу, сказала:

— А ты еще ничего мужик!

— А ты видимо прежде паранджи сняла трусы! — парировал он.

Как-то раз на музыкальную «тусовку» прибыла вновь образовавшаяся пара: модный певец с молоденькой подружкой, а навстречу к ним вышла его прежняя и так накинулась на новую, советуя ей «отмыться», что та ретировалась с вечеринки со слезами, оставив сопернице отвоєванный «трофей»...

Иногда в фирме Арсения с сотрудниками устраивали розыгрыши, и Люда тоже стала их жертвой...

Накануне фирма всем своим составом отмечала в ресторане удачно прокрученное дельце. Там также присутствовали гости шефа. Когда мероприятие закончилось, все стали думать, кто кого домой проводит.

— Людмилу подвезет Андрей! — сказал Арсений. Все весело переглянулись...

На следующий день сотрудники, покатываясь со смеху, пытали Люду, не приставали к ней Андрей, не просился ли на чашку кофе.

— Андрей вел себя как истинный джентльмен, — сказала она.

— Потому что Андрей — гей! — добавил Арсений, довольный, что его розыгрыш состоялся.

Людмила на него не стала обижаться, людям талантливым она готова была многое прощать, но вот однажды в новом проекте их фирме понадобился большегрузный транспорт, и Арсений велел Люде обратиться к мужу за безвозмездной помощью, и ей стало не до смеха, когда тот отказал...

— Я же твою жену взял на работу! — пенял Арсений Людиному мужу по телефону, нисколько не смущаясь ее присутствием. Потом все сгладилось, но стало ясно, что Арсений не так хорош, каким Людмила его представляла себе раньше. Талант — еще не гарант высоких душевных качеств человека. Пришло разочарование, она смотрела на Арсения уже без розовых очков.

На очередном банкете в честь завершения прибыльной программы, где было много приглашенных и, в частности, жена Арсения присутствовала тоже, на шефа нечто накатило. Он как-то по-особому смотрел на Люду, и когда та собралась покинуть вечер, преградил ей дорогу к выходу и страстно зашептал:

— Поцелуй меня! Поцелуй в губы! Здесь и сейчас!

— Ты не в своем уме, Арсений, — испугалась Люда, — на нас твоя супруга смотрит!

— Ну и что! Так поцелуешь? — продолжал настаивать Арсений.

— Я не целуюсь накрашенными губами, — нашлась Людмила и боком вышла.

На следующий день она приехала пораньше в офис, и когда увидела Арсения, который хотя за ночь протрезвел, но не настолько, чтобы забыть свои порывы, то высказала ему свое негодование по поводу служебного романа.

— Ты разве не влюблена в меня? — Арсений вскинул брови.

— Конечно, нет! — ответила Людмила.

В ближайшие недели она активно подыскивала себе новую работу и когда подходя-

щая нашлась, то сообщила шефу о своем намерении уволиться. Он взбесился, стал обвинять ее в предательстве, не хотел ставить «автограф» на ее заявлении об уходе, но Люда настояла. Она уходила с тяжелым чувством, с сознанием вины и долга перед Арсением за пройденную школу...

Спустя некоторое время это чувство сменилось на другое — отчужденность, когда она узнала, что накануне ее ухода Ане нанес большой физический урон влиятельный местный чиновник, а Арсений, будучи неподалеку, ничего не смог поделать: ни защитить свою подругу, ни наказать ее обидчика... Возможно, и сама Анна не хотела, чтобы история получила хоть малейшую огласку, но ей пришлось еще долгое время в пределах здания сталкиваться с этим низким человеком, что не прошло для нее бесследно...

Всего этого Люда до поры не знала, уехав вскоре из столицы. На новом месте, Аню вспоминая, обижалась, что та не звонит и не пишет, не интересуется жизнью оставшейся в столице «крестной дочки»... Вернувшись, Люда вновь хотела с Аней сблизиться, но между подругами как будто вы-

росла стена.... Аня без объяснений прекратила общение с прежними друзьями, поменяла номер телефона.... Позже Люда узнала, что все эти годы Аня боролась с тяжелой болезнью, которая ее все же одолела...

Когда Люде сказали о кончине Ани, она не могла поверить в случившееся. Ей привиделся гроб под землею, а в нем прелестная Аня, в старинном платье, красивая и строгая, как будто бы сошедшая со страниц глянцевого журнала... На самом деле Аня распорядилась сжечь свои останки ...

Люда стала думать об Анне и как бы вести с ней долгий разговор. Ей стало ясно, что при жизни Аня ей не доверяла, считала, видимо ханжой, а потом и вовсе отошла в сторону.

...И вот однажды Люда заснула с мыслями об Анне, и ей привиделся ясный сон, как будто бы она со своей кошкой вдруг очутилась в потустороннем мире, где звучала музыка, приятная для слуха. Рядом с собой она увидела Аня. Подруги находились в срединной сфере, недалеко прозрачный лифт возил расслабленных людей то вверх, то вниз, в иные сферы. Аня, кивнув Люде, оставила ее на время. Перегнувшись через мяг-

кие перила, Люда увидела, что подруга в нижней сфере по-доброму общается с каким-то пожилым мужчиной. Люда пошла гулять по сфере и увидела в центре застланный мягким сукном большой прямоугольный стол и на нем сидящих кучками разных кошек. Ее кошка спрыгнула с рук на стол и заговорила с ними по-кошачьи. Кошки отвечали ей спокойно. Люда, не боясь, брала кошек на руки, ласкала их. Тут к ней вернулась Аня, и подруги вместе поднялись в иную сферу. Подведя Люду к своему столу, придвинутому к прозрачной стенке, она присела, взяла из стопки пустую папку и ярким фломастером на ней написала: «Разговоры с другом». Люда спросила, что хранят в себе другие папки.

— Разное, — ответила ей подруга, — а в эту я помещу некоторые мысли друга, услышанные мной в последнее время... Он был неординарным человеком и, слава Богу, есть.

— Это Арсений?

— Нет!

— Ты разве говоришь с живыми? — удивилась Люда.

— Конечно, а что же мы с тобою делали,

если не общались все эти дни?!

— Прости, я этого не знала, — сказала Люда и, помня о кончине дорогой подруги, ее спросила:

— Может быть, тебе не надо было так близко к сердцу принимать превратности судьбы? Мысли о них подспудно разрушили твоё здоровье. Быть может, надо было с кем-то поделиться, спасти себя, расплескивая боль?

— Легко об этом рассуждать. Переживать куда сложнее, — без злобы в голосе сказала Анна, — я свое оскверненное тело разлюбила, и оно мне стало мстить. ...А кроме основного тяжкого недуга разболелась еще и нога... Ну разве это жизнь? Я так устала...

Людмиле ощутила острую жалость к подруге, она обняла Аню за плечи и прижалась головой к ее мягким волосам — и в этот самый миг проснулась. В горле у нее стоял ком, а в глазах — слезы...

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Когда я читаю книгу или смотрю фильм о первой любви, то вспоминаю дни ранней юности и свое первое нежное чувство...

Я жила в большом родительском доме у леса, который знала вдоль и поперек. В летнюю пору лес становился моим вторым домом. Я знала множество грибных и ягодных местечек, но никому их не показывала, предпочитая самой каждый сезон собирать там урожай. И вот в моей безмятежной жизни появился Леня. Он приезжал в наш поселок к родственникам, к которым относилась и моя подруга Таня. Леня был старше меня лет на пять. При каждом удобном случае я внимательно в него вглядывалась, но никак не могла запомнить черты лица и влюбилась в «образ». Щеголь с виду, Леня носил шляпу и кожаный пиджак, на всех смотрел сквозь прищур, со снисходитель-

ной улыбкой. Он был недостижим и поэтому особо интересен.

В достоинствах своей внешности я была вовсе не уверена, ведь никто, кроме мамы, меня пока еще не оценил. «Ну, до чего же ты, доченька, у меня красивая! – часто говаривала она, – глаза, как смородины, а брови – как нарисованные!» – «С лица воды не пить, – откликнулся отец, – была бы она счастливая!»

Мне же казалось, что руки мои слишком велики, а нос чересчур курносый, но я не оставляла надежды, что Леня меня когда-нибудь заметит. Иногда я его видела, летом чаще, чем зимой. Он не проявлял ко мне ни малейшего интереса. Я дарила подруге свои наиболее удачные фотографии, надеясь, что они попадутся ему на глаза и напомнят обо мне, но все было без толку. Заметив, что Леня появлялся в поселке в определенное время, я как бы случайно выходила ему навстречу, на дорогу.

Однажды он шел по дороге в приподнятом настроении и, поравнявшись со мной, весело бросил: «Привет, красавица!» Я смутилась от неожиданности и не нашлась что ответить. От этих слов у меня за плечами будто выросли крылья, и я птицей взлетела

на крутую гору, где стоял мой дом. Слова Лени еще долго пели в моем сердце, а с лица не сходила счастливая улыбка.

Мне захотелось стать красивее. В местном магазине в отделе парфюмерии и косметики висел плакат, гласивший: «Если хочешь быть красивой – будь ею!», и я стала подрисовывать свои и без того черные глаза, но все было напрасно: с той встречи на дороге Леня больше не оказывал мне знаков внимания, и это было очень грустно...

Как-то раз, в дни осенних школьных каникул, я сидела дома одна. Зазвенел колокольчик. Я вышла во двор и остолбенела: рядом с моей подругой Таней стоял парень точь-в-точь Леня, только как будто бы моложе. «Познакомься, это Игорь, брат Лени, – сказала Таня, – он переехал сюда жить». Я пригласила гостей в дом, напоила их чаем, и мы вместе пошли в кино. С тех пор так и повелось: день - другой – Игорь в нашем доме, подружился с моим братом, то по дороге в школу забежит за мной, то после школы до дому проводит. «Новенький» в школе нравился многим девчонкам, и они откровенно завидовали мне, я же видела в нем лишь отражение Лени.

Прошел ноябрь, декабрь. Новый год Игорь встречал в нашем доме и на ночной прогулке рассказал, что знает мою тайну. «Как это так? – смутилась я. «А очень просто, – ответил Игорь, – как только я приехал, мне сразу рассказали о «Ленькиной невесте», и я пошел на тебя взглянуть. Какой же он дурак, я мыслю...» «Нет, Леня не дурак и ты хороший, но Леня – самый лучший!» – выпалила я. Такое открытие потрясло меня. Я и не предполагала, что кроме меня еще кто-то знает о моих нежных чувствах к Лене.

Однажды поздней осенью, когда дороги накрепко сковало льдом, мы с Таней зашли за Игорем, там оказался Леня. Вскоре Таня ушла домой, а Игорь как-то боком вышел в другую комнату, и я о нем забыла. Впервые я разговорила с Леной. На меня нашло такое воодушевление, что остановиться я не могла, смеялась без умолку, отвечая на его разные вопросы. Опомнилась я поздно, когда одетый Игорь вошел и сказал: «А мне ее еще до дому провожать!» – «Ты отдыхай, я сам» – Леня поднялся, помог одеться мне, и мы вышли на воздух. На улице было темно, лед под ногами, я то и дело скользила. «Держись покрепче за меня», – предложил Леня,

и я взяла его под руку. Что было то за счастье идти, слегка прижавшись к нему, такому далекому и отстраненному прежде! Добравшись до моего дома, мы с Леной вновь взахлеб говорили, пока не вышла моя мама – и увела в дом свою чуть живую от холода дочку.

До самой до весны я жила как во сне, надеясь, что наши отношения с Леной будут развиваться дальше. Тем большим для меня ударом было увидеть Леню на майские праздники в обществе «известной дамы» в нашем поселке! Встречаясь раньше с нею на дороге, я про себя недоумевала, сколько можно наложить грима на лицо и какими крошечными бывают юбки! Эта «дама» чуть не ежедневно меняла кавалеров, и никто в поселке не сомневался на ее счет, род своих занятий она вовсе не скрывала. И вот рядом с нею Леня! Может быть, это случайность? Я хотела знать наверняка. И как-то раз нечаянно я села в кинозале за новоявленной парой. Желая привлечь к себе внимание Лени, заговорила со своей соседкой. Он обернулся, скользнул по мне равнодушным взглядом и вновь склонился к своей спутнице. Меня это, конечно, очень огорчило. Когда в

зале погас свет, я не вполне собой владея, незаметно приподняла соседнее с ним сиденье, куда он положил шляпу и перчатки, и взяла перчатки.

Фильм шел к концу, и Леня стал шарить рукой ища свои вещи, но не найдя всего, обернулся ко мне и потребовал с досадой:

– Отдай мои перчатки!

– Не отдам, – отказала я.

На нас зашикали, и я, поднявшись, бросила ему перчатки на колени и вышла из зала. Мне было все понятно и – не понятно в то же время. Отчего переменялся Леня? Я мысленно звала его к себе.

И вот совпадение! Мы снова встретились в кино: я была одна и он без спутницы. Когда сеанс закончился, Леня последовал за мной, и подошел, у развилки, где наши дороги расходилась в разные стороны.

– Нам надо с тобой поговорить, – начал он, – зачем ты меня донимаешь?

– Ты подыскал себе не лучшую подругу, – с горечью произнесла я.

– Откуда тебе знать какая мне нужна?

– Она дурная девушка, совсем тебе не пара. Дружи со мной!

– С тобой не интересно.

– Отчего же? Чем я не хороша?
– Ты слишком хороша...
– Но я должна понять!
– Когда подрастешь, тогда и поймешь все.
Ну, а теперь прощай, оставь меня в покое!

И он ушел, а я осталась одна, с обидой, и печалью, и горечью, ведь за эти годы «самый лучший» Леня ни разу моей руки в свою не взял, а девке грязной и «к ручкам» прикладывался, и целовал ее будто бы вареные, лишённые свежести губы...

Меня пытался успокоить и заинтересовать собой Игорь, но я от него мягко отстранилась, ушла в себя. А дальше – занялась учебой, внушила себе, что я – не для Лени, и запретила себе о нем думать. А там со временем появились другие интересы, другие чувства, но первое, такое нежное и робкое, и в то же время сильное и смелое, осталось в памяти ...

РОЗА НА ПОМОЙКЕ

Лида опять сидит у меня на кухне, зашла ненадолго с работы, отвести душу. Она в свои сорок с небольшим еще очень симпатичная женщина. Выше среднего роста, стройная, с высокой грудью, кожа светлая, отчего видны мелкие морщинки у глаз. Волосы у Лиды каштановые, вьющиеся. Руки с проступающими жилками, ногти всегда коротко острижены. Когда она начинает говорить, руки ее оживают: то разглаживают скатерть, то поправляют воротник на блузке... Лида не любит, когда пристально смотрят в ее выразительные карие глаза, ей кажется, все замечают, что один ее глаз более запавший, чем другой. Ее однажды сильно ударил муж, когда она попала ему «под горячую руку».... Благодаря своей наивности Лида легко переживает несчастья, из-за которых другой бы человек просто расстался с жизнью...

Лида, окруженная любовью, росла в благополучной, семье служащих. Родители — простые люди, в ней души не чаяли. Она была аккуратной и послушной девочкой, доверчивой и ласковой, открытой. Мать называла ее «Моя розочка» и баловала в меру сил. Лида с детства лечила кукол, и когда окончила школу, для нее не было вопроса, чем заниматься в жизни, — только медициной. И Лида без труда поступила в медицинское училище. Но так сложилось, что повзрослеть ей пришлось рано...

У Лиды есть дочь Жанна от первого брака и сын Роман — от второго.

Лида была молоденькой девушкой, когда повстречалась с веселым солдатом-отпускником, влюбилась и отдалась ему на вечеринке у подруги... Он велел сообщить ему, если Лида, окажется беременной.

Спустя некоторое время так и пришлось поступить. Солдат приехал, зарегистрировал с ней брак и уехал дослуживать. Когда вернулся, молодые недолго прожили вместе. Муж был недоволен, что Лида не дает ему пить водку, и подал на развод...

Несколько лет Лида прожила с родителями. Она очень боялась остаться одинокой...

И вот — о, счастье! Новое знакомство! Лида снова влюбилась.

Приехавший из деревни светловолосый парень был рад знакомству с хорошенькой девушкой, правда, с ребенком, но зато и с квартирой, куда он быстро прописался...

Василий был коренастый, с широко поставленными глазами, с длинными беспокойными руками и ногами «колесом». Много позже он кое-что рассказал Лиде о своих корнях.

Отец его был страшным драчуном и мотался «по тюрьмам». Выйдет ненадолго, «погуляет в хмельном угаре» и снова «за решетку» — так и потерялся: он — то ли сам умер, то ли кто помог...

Мать Василия отличалась на деревне домовитостью. Она была работающей женщиной, но и прижимистой, всегда держала скотину.

Василий после школы устроился работать на железную дорогу. Заработав первые деньги, приехал к матери в деревню, хотел купить себе мопед. Мать отняла все деньги до копейки.... Сын разобиделся и уехал в город, как оказалось — навсегда. Он выучился на шофера, стал работать на стройке, а жить

в общежитии. Иногда встречался с младшим братом, тоже осевшим в городе, изредка они навещали свою мать в деревне.

Несколько лет молодые прожили с родителями Лиды, а когда у них родился сынишка, получили отдельную квартиру. Началась их своя собственная семейная жизнь. В новой квартире муж Лиды развернулся во всю ширь своей натуры. На работе он всегда готов был «зашибить денюгу»: «подбрасывал» и лес, и уголь, да и сам мог что плохо лежит уворовать. Лида была категорически против этого и твердила, что хочет спать спокойно....

Василий стал заводиться с пол-оборота — начинал цедить слова сквозь зубы, а лицо его при этом кривилось....

Дочка Лиды частенько гостила у бабушки, а с сыном Романом становилось все больше проблем. Он и в раннем детстве был легко возбудимым ребенком, а когда пошел в школу, то со сверстниками начал проявляться его агрессивный характер. Отцу же даже нравилось, что его сын такой отчаянный боец, умелец махать кулаками. Они с матерью придерживались разных взглядов на воспитание ребенка. Лида хотела видеть

сына добрым и послушным, но влияние отца было сильнее....

— Ну-ка, сынок, ударь мать, — подучивал отец сына и Роман подходил и бил мать кулаком по коленке или плечу....

С некоторых пор муж и сам начал срывать на Лиде зло. Она терпела, ведь он потом на коленях просил прощения... Да и куда ей деваться, кому она нужна с двумя-то детьми — горестно думала она.

Дочка — Жанночка, радовала мать хорошей учебой в школе. Учителя ее хвалили, говорили, что девочка способная... Но подростком Жанна отдалилась от матери, стала относиться к ней с презрением... Друзья, подружки влекли ее прочь из дома.

Как-то брат мужа Виктор по пьянке рассказал Лиде, что его мать однажды застала Василия в бане «верхом» на падчерице.... Лида не могла поверить в пьяный бред деверя.... Но ее смутили высказывания Василия о современной молодежи, о том, что «теперь девки в пятнадцать лет уже не девки»! Она осторожно спросила дочку, не утратила ли она девичью честь, но та воскликнула:

— Ну что ты, мама! — и убежала.

Лида спросила у протрезвевшего деверя,

что за бред он недавно нес, он от него отк-
рестился...

Жанна отчима явно избегала, в восем-
надцать лет вышла замуж за отслужившего
срочную службу парня. Отчим к свадьбе по
своей инициативе подарил молодой квар-
тиру... Семья Лиды к тому времени перебра-
лась в перспективный городок в их же об-
ласти. Они купили там новую квартиру
улучшенной планировки. И молодые переб-
рались к родным поближе. На новом месте
они сняли жилье и стали работать на рынке.

Настали новые времена. Василий, еще на
прежнем месте, занявшись бизнесом, про-
должал свое дело и стал для молодых рабо-
тодателем... А когда-то он начал с того, что
вложил накопленные семьей средства в хо-
довой товар и выгодно его продал. И так
снова и снова.... Он заставил жену уволить-
ся из поликлиники, привлек ее к семейно-
му бизнесу: она записывала аудиокассеты,
зять ими торговал, а сам Василий ездил в
Москву, за товаром. Механизм работал,
приносил доходы.

Достаток в семье вырос, но жить с Васи-
лием стало совершенно невозможно. В
семьях-то по-разному бывает. Выглядит

иная жена в окно, увидит идущего к дому мужа и скажет: «Вон миленький мой идет!» А у другой при виде мужа сердце сожмется: «Мой изверг домой тащится!»

Вот таким извергом оказался для Лиды ее Василий. Бывало, выйдет она вечером на улицу, сядет на лавочку и начнет молиться о том, чтобы ее жадный и злобный муж влюбился в какую-нибудь женщину, а ее оставил....

Так и случилось. Как-то отправил Василий жену в Москву за товаром, а пока она ездила, сам перебрался со всем добром к одной вдове, у которой было трое детей от первого брака. Дети временно жили у ее матери, в деревне, и женщина была как бы одинокой...

Вернулась Лида, в квартире — шаром покати: нет ни мужа, ни товара... Муж сделал брошенной жене деловое предложение: он оставляет ей двухкомнатную квартиру, немного денег «на раскрутку», и в придачу сына, путающегося у него под ногами....

В тот самый, сложный, момент в жизни Лиды, мы с нею познакомились, и я стала невольным свидетелем развития ее семейной драмы....

Лида очень долго тянула с разводом, не потому, что надеялась на возвращение мужа, а просто не могла решиться на этот шаг.. Она пыталась наладить свой собственный бизнес. Покупала оптом колбасные изделия, раздавала рыночным торговцам — те тянули с расчетом, а знакомые просили продать товар по себестоимости, но ведь в него уже были вложены средства на доставку...

Как-то по случаю Лида купила партию модных блузок, отдала их на продажу без предоплаты, да денег ни за одну не получила...

Время было тяжелое, многие норовили как-нибудь за счет ближнего прожить.. Осталась наша Лида без средств к существованию. Дома сын требовал от матери деньги на личные расходы, а Лиде нечего было ему дать, — так мальчик однажды со злости швырнул в мать утюгом! Хорошо, что Лида сумела увернуться, но на шкафу осталась глубокая отметина...

Дочь Лиды вскоре развелась со своим мужем. Он, по наущению тестя, выкрал у нее документы на квартиру, но она вовремя спохватилась и сумела их вернуть. Потом эту квартиру продала, а к матери вернулась уже без денег, сказав, что по дороге ее обворовали...

Василий между тем настойчиво требовал у Лиды развода. Его сожительнице Галине страсть как хотелось поскорее выйти замуж. Мать из деревни писала, что от ее детей вконец устала... Василий менял адвокатов, подавал заявления в суд, одно хуже другого. Лида выставлялась негодной женой, которая все причитающееся ей от мужа уже получила. К Лиде приходил нанятый мужем адвокат и запугивал женщину. Однажды вечером у дома Лиду подкараулил какой-то мужчина, схватил ее за ногу, напугал до дрожи...

В довершение всех бед скончался Лидин брат Виталий. Лида поехала на похороны. На поминках она сидела рядом с родителями, горевала, и, веря, что душа бедного брата находится еще где-то рядом, спросила: «Виталий, ты с нами?»

На пол со стола неожиданно упала кружка...

«Это случайность», — предположила мать. И тут же со стены на пол рухнула книжная полка...

Бывает же такое, поверить трудно...

И все-таки Лида считала себя счастливой. «Я в Бога верю, и он меня хранит», — говорила мне Лида.

Но я считала, что вскоре ей никто не сможет помочь, если она срочно не устроится на работу, — «Тебе надо спасаться, — увещевала я ее, — ведь ты — почти что нищая...»

И Лида вернулась в поликлинику. Она не решалась на развод с мужем еще и потому, что опасалась оставаться вдвоем с сыном в одной квартире, который сатанел от ее безденежья, гнал торговать на рынок. Лида получала грошовую зарплату, но свою работу искренне любила. Она жалела больных, стремилась им помочь, облегчить страдания...

Я советовала при разводе сына оставить отцу ведь у Василия были деньги...

— Василий и так на каждом углу вопит, что он кормит ребенка, — грустно возразила Лида.

— Семнадцатилетнего?! Как он его кормит, может быть, грудью? Сделал из сына психопата — теперь пусть сам и расхлебывает!

По решению суда сын остался с отцом, квартиру разменяли. Отец обязался обеспечить совершеннолетнего сына жильем...

При разделе имущества Лиде досталась однокомнатная квартира без телефона, с

минимумом вещей. Прежняя хозяйка квартиры выкорчевала даже сантехнику, правда, потом вернула, потому что все это не подошло в ее новой квартире. А бедной Лиде пришлось долго бороться с протечками...

Она рассказывала мне, что боится спать в своей квартире. Как ляжет и расслабится, потушит свет, так вдруг почувствует тяжесть внизу живота. Один раз быстро дернула за шнурок ночной светильник и увидела, как пестрый змей полетел от ее кровати в угол и там растворился....

— Освяти квартиру, — советовала я, и как обычно помогала деньгами и продуктами.

Сын Лиды, каким бы он ни был, все-таки жалел мать, хоть повторял слова отца о том, что бедность ее — следствие того, что она бросила торговлю.... Сын иногда «втихую» приносил из богатого дома отца для матери продукты. Лида им радовалась, как малое дитя...

— Я все-таки счастливая! — говорила она мне. — Бывало, так все плохо сложится хоть караул кричи, и вдруг откуда-то приходит помощь...

На следующий день после прихода сына появился брат бывшего мужа и забрал все

гостинцы... Василий не прощал бывшей жене непокорность и не собирался ей в чем-то помогать...

Дочь Лиды стала попивать, водить в дом матери кавалеров, пока та была на работе... А к Лиде как нарочно подкатил мелкий торговец побрякушками. Я не советовала ей связываться с этим дельцом, опасаясь, как бы Лиде потом не пришлось сильно пожалеть.

Так и вышло. Очередной, нечистый на руку, ухажер Жанны, вынес из квартиры чужой товар... Последовали мелкие разборки...

Я высказала ей свое мнение, что для дополнительного заработка нужно делать то, что умеешь. И она стала печь медовые торты на продажу, которые пользовались хорошим спросом, но это занятие занимало все ее свободное время...

Между тем Лида была живой, теплой женщиной, нуждающейся в ласке. А в чем, собственно, главное предназначение женщины в этой жизни? Дарить и принимать любовь!

На работе одинокую, привлекательную женщину заметил один молодой водитель. Узнав, что она материально нуждается, дал

немного денег без отдачи:

— Я для тебя, что хочешь, — сказал он ей. А через день потребовал: — Верни хотя бы половину!

Я посоветовала Лиде попробовать обрести нового мужа:

— Да не стесняйся ты говорить знакомым, что снова хочешь замуж!

Во время очередной поездки к родителям, Лида в поезде разговорилась со священником. Сказала ему, что разведена, одинока и от того страдает. Тот ей велел не впадать в уныние, пообещал дать ее адрес приличному мужчине...

И вскоре Лиде пришло письмо с фотографией мужчины. Этот мужчина, как выяснилось, почти шестидесяти лет, психиатр, предлагал ей встречу, расписывал свои небольшие возможности... Лида принесла письмо ко мне, посоветоваться.

— Но я никогда его не полюблю, — сказала, глядя на фото, Лида. И как я ее ни уговаривала встретиться и пообщаться с предполагаемым женихом, — ведь солидный возраст для мужчин не помеха, — Лиду я не уговорила...

А нам с мужем предстояло вскоре перебраться на новое место жительства. Покидая гостеприимный город, я оставила Лиде часть нашей мебели, чтобы ей удобнее жилось на новом месте...

Мы вместе с ней как могли украсили ее более чем скромную квартирку. Телевизор, тумбочка, магнитофон да светильник вот и все ее богатство.

Накануне нашего отъезда, мой муж с компаньоном заглянул в одну из процветающих торговых фирм города. Как рассказал мне муж, он там ждал товарища, расположившись в кресле, и от нечего делать слушал разговоры. Хозяева фирмы предложили им шампанское, конфеты, видно было, что они весьма заинтересованы... В офис между тем заходили мелкие торговцы, сдавали выручку за проданный товар. Их принимала маленькая, суетливая хозяйка — крашенная блондинка, лицо в кулачок... Хозяин делал какие-то записи в журнале... И вдруг мой муж услышал название их магазина — «Галина» — и все понял. Он оказался в гостях у бывшего мужа Лиды!

— Что же ты не сказал Василию, что он — подонок, а ты подкармливал его жену три

года?! — спросила я мужа. Но он только с отвращением отмахнулся...

Лида до сих пор иногда мне пишет письма. В них, как правило, одна «чернуха».

Дети Галины вернулись к маме. Пятнадцатилетняя дочь родила ребенка. Четырнадцатилетний сын покуривает травку, только самый младший пока себя еще никак не проявляет...

Василий хотел отправить сына в армию, выправил как надо документы. Лида, зная, что сын серьезно болен, сообщила об этом в медкомиссию военкомата...

Решение суда в отношении сына отец не выполнил. Он гнал Романа вон из дома, чтобы тот сам себя кормил... Романа арестовали за наркотики, обследовали, его ждет больница....

На рынке был пожар, у Василия сгорело две лавки с дорогим товаром... Он в бешенстве, да и сердце начинает сдавать. Бегает по поликлинике и «брызжет слюной» на врачей, которые его, как он считает, плохо лечат....

Дочь Лиды, Жанна, если ей что-то надо, идет к «папашке» и тот всегда исправно платит...

Лида похоронила одного за другим своих стариков, сначала мать, потом отца. С уходом отца связано еще одно таинственное событие. Когда отец стал плох, он позвал к себе дочь. На работе Лиду отпустили на две недели. Она поддержала отца, подлечила и, договорившись с родственниками об уходе за ним, собралась уезжать. Отец никак не хотел с этим смириться и предупредил дочь, что не станет принимать пищу, если она от него уедет... Но Лида, скрепя сердце, все-таки поехала домой... Отец умер через две недели от истощения... Пришлось Лиде вновь отпрашиваться на работе, теперь уже на похороны отца... Оплакивая его, она оплакивала и свою несчастную жизнь. После похорон и поминовения, оставшись одна в опустевшей квартире, она не смогла уснуть всю ночь: в окно на третьем этаже кто-то настойчиво стучался... Она подходила к окну, заглядывала в застекленную лоджию — стук не прекращался...

Лида писала, что простила всех и мечется между своих неразумных отпрысков, ей не до себя...

А я в ответном письме настоятельно советовала, пока она еще не потеряла форму,

все-таки попытаться выйти замуж. «Приезжай, звала я ее, — тут для тебя, похоже, есть подходящий вариант: уставший от политической возни, не совсем здоровый, но зато обеспеченный, средней руки деятель. Надеюсь, что ваши интересы совпадут: тебе нужен муж, а ему — уход. Кому от этого будет плохо?»

Лида, поколебавшись, согласилась. Я ее ждала. Но Лида до того отправилась навещать родственников и, возвращаясь домой, в поезде познакомилась с одиноким мужчиной, удивительно похожим на ее любимого артиста, который искал, куда бы приткнуться... Лида намекнула, что он ей нравится. Мужчина понял, что перед ним — реальный вариант решения всех его проблем... Через неделю они расписались... Муж поселился у Лиды, а она поменяла свою прежнюю фамилию...

А через некоторое время от Лиды пошли письма, в которых она делилась со мной своими подозрениями. Ей казалось, что муж ее не любит, утаивает часть своих доходов...

Ну, что тут скажешь? Общеизвестно высказывание: женщина и логика — две вещи несовместные.... При всем при том, я эту

«трепетную лань» все равно жалею. Бесхитростная, бесконечно наивная и добрая к людям, с истинно русской терпеливостью женщина не может не вызвать сочувствия и симпатии... Беда, конечно, что несчастных женщин много, но большая беда в том, что измельчал российский мужичок...

ЧРЕЗМЕРНОЕ ЛУКАВСТВО

Как-то раз симпатичная девушка Оксана, зашла в клуб на дискотеку в надежде там застать свою подругу, но не найдя ее, осталась на вечере. Ее внимание привлек один молодой человек, сразу же пригласил ее на танец и в дальнейшем просто не отходил от нее. Так как он отдавал ей явное предпочтение, Оксана тоже решила к нему приглядеться. Он был какой-то необычный, не похожий на других парней. В нем угадывались интеллект и достоинство, но в тоже время он выглядел скромным и даже застенчивым. Похоже, одежде своей он особого значения не придавал, одет был просто: джинсы, светлая рубашка да кроссовки. Пышная шевелюра каштановых кудрей эффектно оттеняла умные темно-синие глаза за очками в темной оправе.

Но вот закончилась развлекательная

программа, и молодежь толпой повалила со второго этажа на первый, к выходу, в этом потоке оказались и он, и она.

Оксана на сто процентов была уверена, что на улице этот парень обязательно к ней подойдет, но вспыхнувшее в ее душе лукавство, заставило девушку свернуть и по дороге к выходу заглянуть в известную ей студию. Когда же спустя примерно полчаса она вышла из клуба, то на ступенях лестницы увидела знакомую фигуру. Молодой человек подошел к ней и предложил проводить до дома. Оксана с радостью согласилась.

Еще работал общественный транспорт, но молодые люди пошли пешком, неприужденно болтая обо всем на свете, как будто знали друг друга вечность.

У ее дома они не спешили расставаться, долго стояли полуобнявшись. Оксана побеспокоилась, как ее друг, Сергей, будет добираться до дома. Он рассказал, как однажды поздно вечером встретил на дороге двоих подвыпивших парней, желавших с кем-нибудь подраться. Один из них, провоцируя, его ударил. Сергей, сдержав себя, не стал отвечать ударом на удар, а просто быстро скрылся. В случае чего он и впредь

намерен поступить также.

Наконец молодые люди расстались, договорившись вскоре вновь встретиться. Их встречи стали частыми.

Оксана жила с родителями в частном доме, а Сергей в квартире с телефоном. Обычно Оксана звонила Сергею из автомата, они встречались в условленном месте, допоздна бродили по опустевшему городку, спускались к морю, и никогда им не бывало скучно.

Однажды здорово проголодавшись, они зашли к нему домой. В квартире никого не было, так как родители Сергея куда-то уехали. Ксюша обнаружила в холодильнике картошку, почистила, поджарила, а Сергей тем временем удалился в отцовский кабинет. Оксане стало интересно, чем он там так долго занят, и каково же было ее удивление, когда она увидела своего друга: не теряя времени даром, он переводил текст с английского на русский!

— У меня две любви — химия и математика, — часто говорил он, а ей захотелось, чтобы в его жизни появилась и третья любовь...

Молодые люди были еще чисты и целомудренны. Они много времени проводили вместе, пока Сергея не отправили от инсти-

туда на две недели в поле, откуда он ей писал каждый день письма, подробно излагая события каждого прожитого дня и свои впечатления. «До свидания, чтобы сказать здравствуй! Твой(?) Сергей» — написал он в последнем письме Оксане. И уже из дома: «Я приехал — звони!»

Их встречи возобновились, в них стало больше тепла. Однажды, прощаясь, Сергей выразил надежду, что придет время, когда им не придется расставаться...

Как-то раз молодые люди гуляли под соснами, вдыхая густой ароматный воздух. Утомившись, они присели на лавочку, тесно прижавшись друг к другу. Запах хвои дурманит им головы. Вдруг Оксана почувствовала, как Сергей прижался к ее щеке губами и замер... Ее чувства смешались, она немного подождала, потом спросила:

— Ты хочешь, чтобы я тебя поцеловала?

— Целуй! — выдохнул Сергей и она, сначала осторожно и чуть прикасаясь, а потом глубоко и чувственно стала целовать друга в губы, чем привела его в сильное волнение...

Испугавшись вспыхнувших желаний, молодые люди поспешили в тот вечер расстаться, но с тех пор их встречи без поцелу-

ев уже не обходились...

Наступила осень. Оксана и Сергей, оба студенты, уже не могли так часто видеться, как прежде, но каждый день она ему звонила, чтобы обменяться новостями.

Между тем мать девушки, наведя справки о семье Сергея, настаивала на ее знакомстве с другим молодым человеком — сыном своей давней подруги:

— Милая моя, убеждала ее мать, — Сергей тебе не пара! Мы — простые люди, а его родители из мира науки. Тебе надо искать мужа попроще!

И запланированное знакомство состоялось. Дочь уступила матери, надеясь, что это ее ничем не обяжет, а мать на время успокоит...

Однажды мать Оксаны ей на работу позвонила и попросила быть дома пораньше. Выйдя из института, девушка наткнулась на Сергея, с восторгом сообщившего, что до конца дня он свободен, и она может им располагать.

— Нет, только не сегодня, — ответила Оксана, — я должна быть дома. Но Сергей никак не хотел смириться с ее решением, и они вместе дошли почти до ее дома.

— Я поцелую тебя, и мы сейчас же простимся! — настояла в конце концов Оксана. Окна всех домов на улице смотрели, как она его целует на прощанье...

Дома мать сообщила дочери о том, что она сыну подружки очень понравилась и теперь им вместе надо подумать, как обновить ее гардероб....

— Девичий век короток, — рассуждала мать, — не успеешь оглянуться, как станешь старой девой. Такой жених — большая редкость. Не пьет, не курит, образован и из хорошей, добропорядочной семьи... Ты слушай нас с отцом, мы тебе плохого не желаем!

Оксана побежала к автомату, позвонила Сергею, позвала к себе.

При встрече сообщила, что у него появился соперник, который нравится ее семье, он положительный и славный парень.... Оксана надеялась, что подобное известие подтолкнет Сергея к решительным действиям, но произошло обратное. Он замолчал и отдалился от нее...

Шли дни. Девушка металась в горячке, не понимая, что происходит. Позвонив Сергею в другой раз, Оксана услышала, что он занят учебными делами, и встретиться с ней

не может... Одеревенев от холодных слов друга, она не нашлась, что ему сказать...

Первое время Оксана очень страдала, и казалось, что боль ее никогда не отпустит. Она старалась забыть отказавшего от нее друга, гнала прочь воспоминания, и со временем боль, казалось, притупилась...

Оксана стала принимать ухаживания того парня, который так нравился ее семье, со временем и сама к нему привыкла. В начале лета был назначен день их свадьбы....

Ксюша ходила по окрестным магазинам и делала случайные покупки. Выпорхнув из очередного, она внезапно остановилась, ощутив глухой удар в сердце... Навстречу шел ее прежний друг, обнимая за талию изящную девушку, как когда-то обнимал ее... Пристально посмотрев в глаза друг другу, молодые люди разминулись...

В тот момент Оксана испытала такую сильную боль, что ей хотелось закричать на весь мир... Тогда же она ясно поняла, что несмотря на годы, ей никогда не удастся забыть Сергея...

ЭПИЗОД ИЗ ЖИЗНИ ЖЕНЩИНЫ

Однажды на веселой молодежной вечеринке познакомились парень с девушкой. Выяснилось, что они работают в учреждениях сходного типа и у них есть даже общие друзья.

Расставаясь, молодые люди обменялись координатами друг друга. На следующий день, Константин, так звали парня, позвонил с работы Татьяне и поинтересовался, не болит ли после вчерашнего голова, и пригласил ее в театр.

В дальнейшем молодые люди неоднократно встречались и в кругу друзей, и после работы, вдвоем бродили по книжным магазинам.

Танечка — милая, смешливая, жила с родителями в пригороде, на работу, а иногда в выходные ездила в город. У нее сложился тесный круг друзей, знакомых ей с детства.

Один из них, ровесник-балагур, был ей особенно дорог. Он после окончания службы в армии учился в соседнем городе и, наезжая время от времени в родные места, неизменно оказывал девушке знаки особого внимания, которые ее радовали. Впрочем, окончательный выбор она еще не сделала.

Новый друг, Константин, был на пять лет старше. Он получил отличное образование, симпатичный, обаятельный, разве только немного аскет. Его успехами буквально восторгались друзья. Один из них, узнав, что между Константином и Татьяной как будто бы завязываются какие-то отношения, предупредил девушку, что «хорошо бы попусту не морочить парню голову, как предыдущая ветреная особа, в которую Костя был влюблен, да девица та отвергла Костю, узнав, что у него имелись проблемы со здоровьем».

Константин жил в центре города, в просторной комфортабельной квартире вместе с бабушкой по матери. Мать его умерла, а отец женился на другой и жил отдельно.

Татьяна, узнав об этом, старалась относиться к новому другу сдержанно и тактично.

Как-то раз зимой, в воскресенье, друзья договорились всей компанией сходить в

кино, на премьеру, но у входа в кинозал оказалась лишь наша пара. Они от прежнего намерения не отказались, посмотрели фильм, а, выйдя на мороз, вмиг продрогли. Костя предложил Татьяне пойти к нему домой согреться чаем, благо, жил он от кинотеатра недалеко.

Костя познакомил Таню с бабушкой. Старушка хворала, и при виде гости осталась лежать на диване, предложив молодым людям самим похозяйничать на кухне. В то время как гостя без капризов готовила ужин, хозяин, оседлав табуретку, сидел посреди кухни и любовался, как все ожило в его доме с приходом Тани, и со значением произнес:

— Все у меня есть: и жилье, и работа, вот только жены мне не хватает!

Гостя, смущенно промолчала.

После ужина Костя помог девушке убрать посуду, показал ей книги, фотографии близких, рассказал о своей жизни, стараясь стать ей ближе...

После этой встречи их отношения изменились. Константин начал открыто ухаживать за Татьяной. Он часто заходил за ней после работы, провожал до остановки. Ког-

да Таня, простудившись, лечилась на больничном дома, Костя, узнав адрес у ее сослуживцев, приехал к ней, с немислимым количеством цветов и фруктов...

Девушке и ее близким стало ясно, что он «болен ей», гораздо больше, чем она ангиной...

Когда за Костей закрылась дверь, Танина мать спросила, почему она не рассказала этому достойному молодому человеку, что у нее есть близкий друг?

А девушка была просто не в силах сделать Косте больно и надеялась, что все как-нибудь прояснится само собой.

Ей стал очень дорог этот человек, но именно как друг. Она пыталась избегать его, — а он находил ее повсюду, окружая вниманием и заботой...

Скончалась Костина бабушка, и еще труднее стало Тане сделать свое признание.... Костя был из тех редких мужчин, которые могли годами лелеять свою мечту... За все их долгое знакомство он лишь однажды, беспокоясь за ее здоровье, решил коснуться рукой ее открытого локтя, тогда как ее избранник, все чаще бывая у Тани, погружал ее в восторги молодости.

Меж тем, приближалось лето. Таня нема-

ло мучилась, сознавая неизбежность объяснения с добрым другом. Ей хотелось расстаться с ним по-хорошему, мягко. Дальше тянуть было нельзя.

Как-то друзья столкнулись у выхода с ее работы и зашагали вместе по знакомому маршруту. Таня шла, кусая губы, пряча в сторону глаза. Костя был сосредоточен и невесел.

— Что за тоска? — нарушил он молчание.

— Нет, ничего такого, — ответила девушка, прикидывая, впрочем, как объяснить причину их скорой разлуки, в связи с которой он будет должен уйти из ее жизни навсегда, ни о чем особо не жалея...

— Ну, я же вижу. Ты что, выходишь замуж, что ли? — Костя остановился сам и остановил ее.

— Да! — выпалила Таня, не глядя на него.

— Как скоро все это случится?

— Да уже скоро.... Встречаться больше мы не сможем!

— А разве мы встречались? Ты его любишь? — спросил Константин.

— Я ему дала слово, к тому же прошлым летом мы были вместе... ты понимаешь?.. — выложила свой главный аргумент Татьяна...

— Я понимаю. Ну и что? — Костя спокой-

но посмотрел в ее глаза.

— Как — что? Теперь мы связаны, я замуж за него должна пойти, — обреченно сказала Таня.

— Ничего ты не должна, если не любишь! Только любовь должна соединять! — Костя перевел дыхание и, взяв Таню за руку, продолжал — Поверь, не только о себе я хлопочу, хотя должен тебе признаться — я тебя люблю, готов хоть сейчас жениться!

— Нет, я сдержу данное слово....

— Возьми его обратно, ведь еще не поздно?!

— Нет, поздно. Давай сейчас простимся, — Таня едва сдержала слезы, невольно думая, что ее избранник в такой ситуации вряд ли был бы к ней столь великодушен....

— Ну, что ж, воля твоя.... Только бы ты не пожалела.... Я тебе желаю счастья в браке! — Он с грустью посмотрел Тане в глаза и пошел прочь, безнадежно махнув рукой...

С той встречи прошла череда лет и зим.... Семейная жизнь Тани мало отличалась от жизни многих прочих замужних женщин: дом, дети, муж — как старший ребенок, хлопоты без конца и края.... Но воспоминание о нанесенной достойному во всех отношениях человеку обиде не покидало Таню. И вот

однажды, набравшись духу, в какой-то праздничный день, она решилась — и набрала знакомый номер в далеком городе. И почти сразу услышала мягкий Костин голос:

— Алло, я вас слушаю!

— Это я, твоя упрямая подруга... Узнал? Скажи, ты обо мне не вспоминаешь с недобрым чувством?

— Нет, я все помню и не жалею, что ты была в моей судьбе.... Признаюсь, я тогда долго грустил, потом встретил женщину, которой позволил меня любить, а потом и сам влюбился.... Теперь у меня хорошая семья, растут две дочки!

— Мне больше повезло, — пошутила Таня. — У меня — и сын, и дочь.

— Ну, вот и славно! Надеюсь, ты счастлива?

— Вполне.

— Так пожелай же и мне счастья, ну и конечно, будь счастлива сама...

На этом их разговор закончился.

Впрочем, закончилась история, подобных которой много...

ЭТЮД О ДВОИХ

Она влюбилась в него, но не была уверена, что он влюблен в нее. То тихо плача, то рыдая, она бродила из комнаты в комнату, обдумывая, что скажет ему, если он ей вдруг позвонит... Но, не дождавшись звонка, позвонила сама и сказала то, что в тот момент просто пришло в голову... Он догадался, что у женщины истерика, как мог успокоил ее и назначил встречу.

- Я не хочу снова мучиться и не спать ночами, - сказал он ей и попросил время для размышлений. Она приготовилась к долгому ожиданию. А он позвонил на следующий день и пригласил к себе. Она к нему помчалась, и короткий путь на такси до его дома показался ей длинным. Войдя в дом, она залюбовалась его красивым с румянцем лицом, сиянием черных, непроницаемых глаз. Он обнял ее и, порывисто целуя, и все спрашивал:

- Ты меня любишь?

- Да!

- Ты меня хочешь?

- Да!

- Я хочу тебя, я устал ждать!

Она сбросила с себя одежду и помогла раздеться ему. Они опустились на диван и принялись неистово ласкать друг друга, но что-то у них не заладилось: вскоре он поднялся, за ним - она. Стало ясно, что он хотел бы остаться один. Расставаясь, они договорились встретиться вновь, теперь у нее дома.

Всю ночь накануне желанной встречи она им грезила, в памяти всплывали слова поэта о «истекающей соком суке». И вот они снова вместе и - снова врозь. На ее чувства он не смог адекватно ответить...

- Ты пирожок ни с чем, — с горечью она сделала такой вывод.

- Прости и отпусти, — коротко ответил он.

- Ну что ж, прощай, — она вздохнула. — Напрасно не тревожься, я не стану сигать с балкона; займись собой, делами, домом...

- Но ты позволишь мне звонить?

- О, да! Думаю, довольно будет одного раза в полгода!

- А можно чаще?

- Я вижу, ты не готов со мной расстаться!
Они решили остаться друзьями. Изредка встречались.

Как-то раз, прощаясь с ней в метро, он неожиданно поцеловал ее в щеку. «Я бы тебя иначе поцеловала», - успела она ему шепнуть в ответ.

И вновь «друзья» оказались в постели. Она уступала его вдруг возникшему желанию... А в другой раз, будучи навеселе, он не хотел ее отпускать, дверь запер, а ключ припрятал... В их отношениях все было так, как хотел он. «Мне нравится в тебя входить, быть рядом, — признался он однажды, прощаясь. — Как только я тебя увидел, сразу понял: все у нас с тобой будет о' кей, и я к тебе все больше привыкаю». Ей же хотелось нежных слов, совместного полета и веры в счастье завтрашнего дня. Ей было жаль своего столь прекрасного и нежного чувства, которое неумолимо таяло и покидало ее медленно, но верно. Так и встречи, некогда частые, становились все реже и постепенно сошли на нет...

Содержание книги:

«Жизнь прожить»3

Рассказы:

1. Валентина34
2. Воспоминания о друге44
3. Испытать судьбу53
4. История с нелюбимой дочерью ..64
5. История с пасхальным яйцом ...94
6. История с веселым началом108
7. Крестная мать114
8. Ложное чувство123
9. Мои кошки134
10. Муж своей жены150
11. Музыкальная шкатулка161
12. Незабываемая обида173
13. Падение кумира181
14. Первая любовь195
15. Роза на помойке202
16. Чрезмерное лукавство220
17. Эпизод из жизни женщины227
18. Этюд о двоих234

Любовь Щербинина
Жизнь прожить

Текст публикуется в авторской редакции

E-mail автора: Lshcherbinina@yandex.ru

Подписано в печать 11.05.2010 г.
Формат 84x108/32. Гарнитура Garamond.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 300 экз. Заказ № 08.

Издательство «Вест-Консалтинг»
109378, г. Москва, Есенинский бульвар,
д. 1/26, корп. 1, офис 34. Тел. (495) 978-62-75
Типография ИПК «Квадрат»,
Белгородская обл., г. Старый Оскол,
Комсомольский проспект, 73